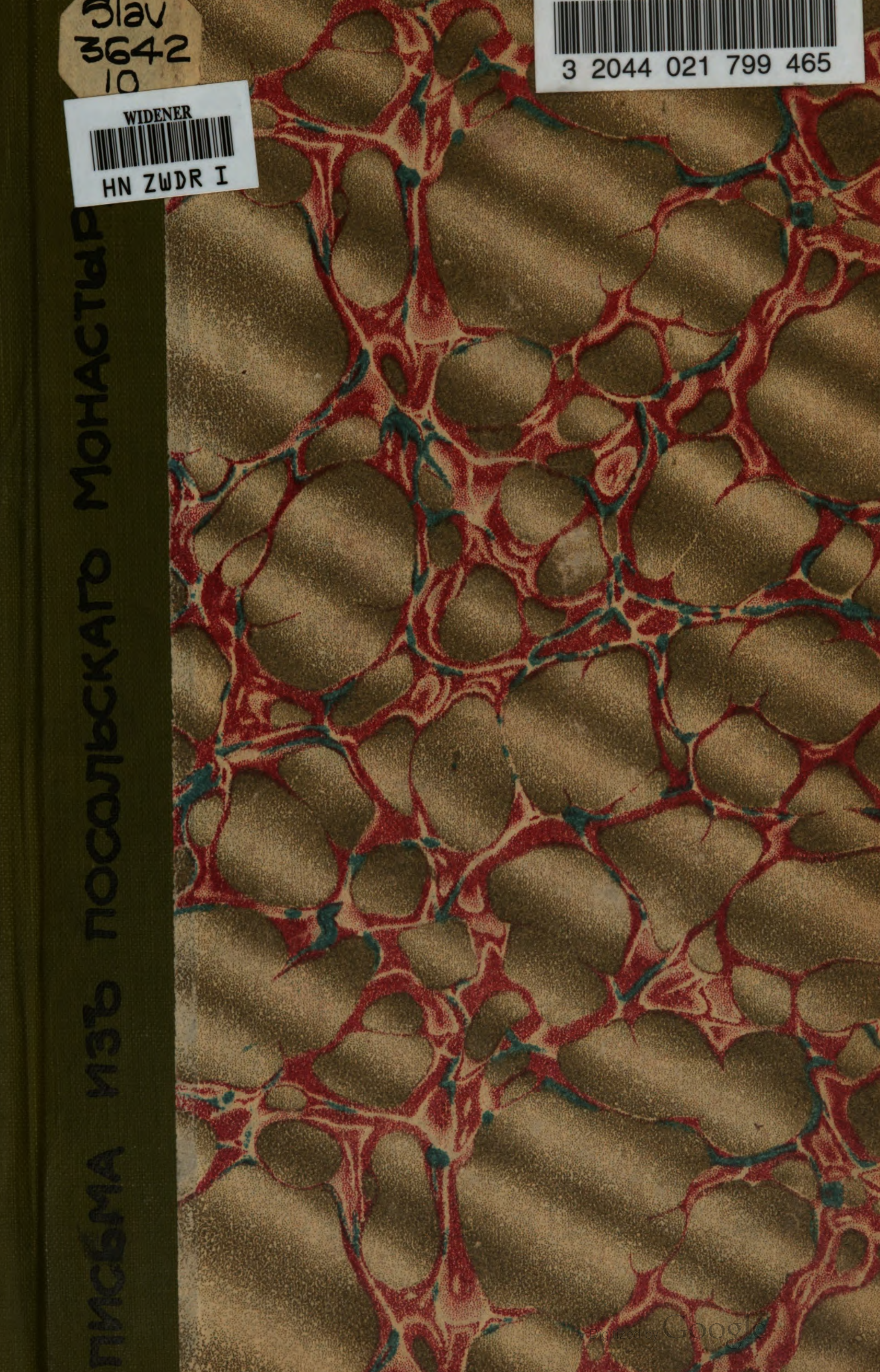
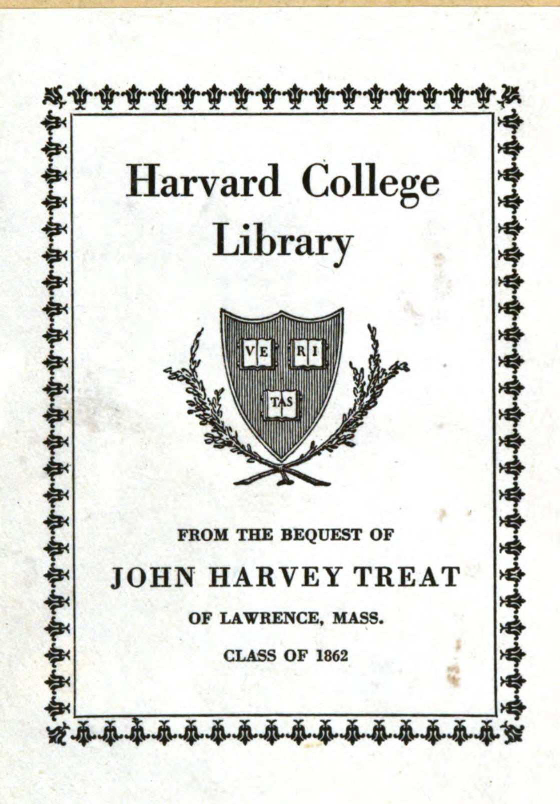
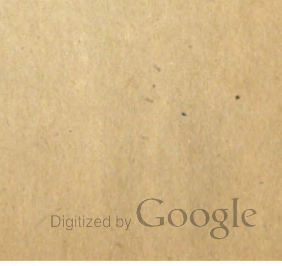
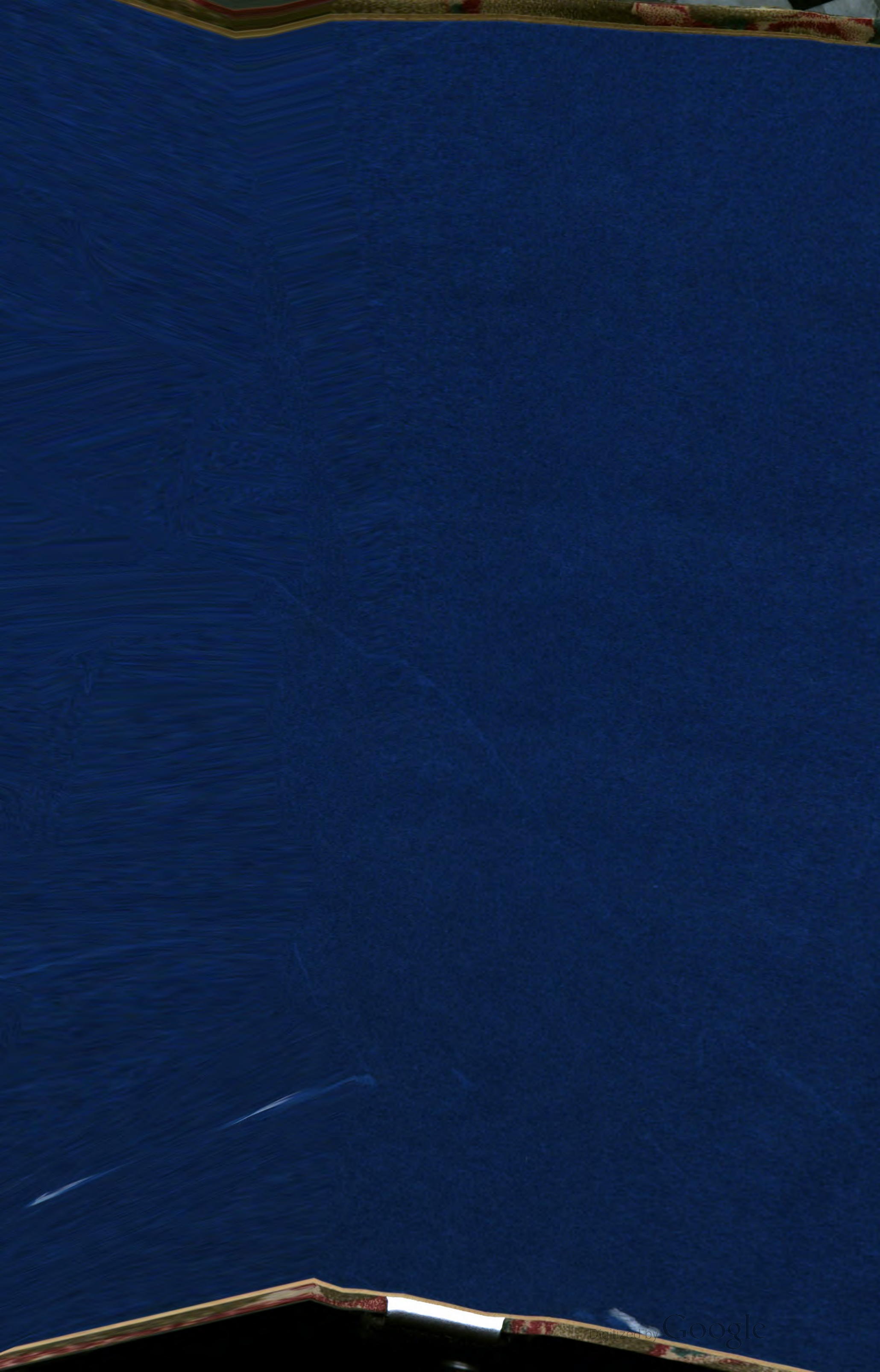
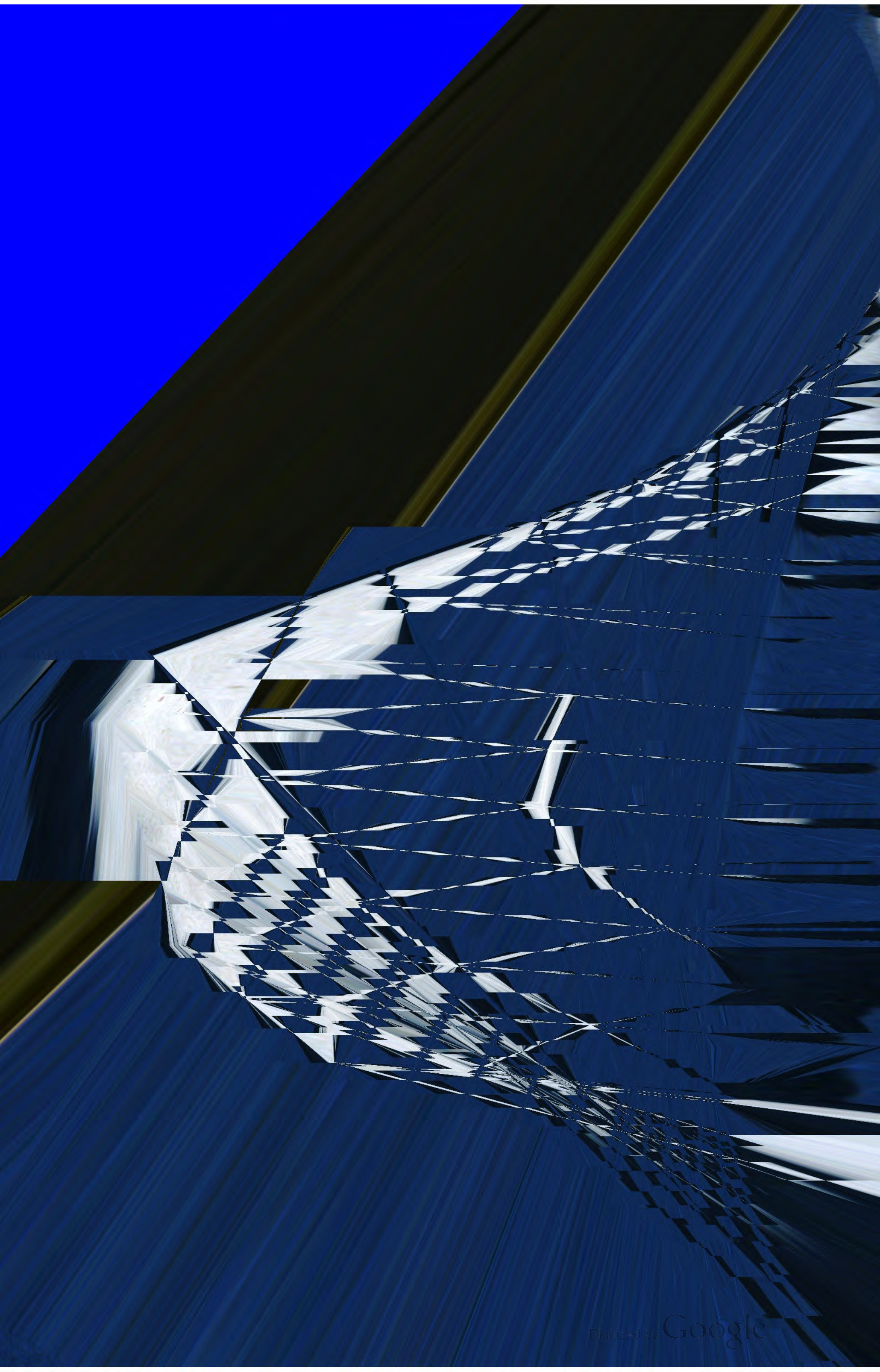


Slav
3642
10
WIDENER
HN ZWDR I
3 2044 021 799 465
ПИСЬМА ИЗЪ ПОСОЛЬСКАГО МОНАСТЫР


VE
RI
TAS







Съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Три письма получилъ я отъ васъ съ настойчивою просьбою какъ можно больше и чаще писать о Забайкальской миссіи. Не могу не признать основательности вашихъ доводовъ о необходимости извѣщать о дѣйствіяхъ нашихъ миссій, такъ мало извѣстныхъ въ самой Россіи; особенно не могу не согласиться съ приведенными вами доводами приснопамятнаго основателя Алтайской миссіи, архимандрита Макарія. Но вы, кажется, полагаете, что стоило только намъ переплыть чрезъ Байкалъ, и язычники тотчасъ пойдутъ къ крещенію по первомъ представленіи Евангельской истины ихъ здравому смыслу. Въ самомъ дѣлѣ, какая противоположность между свѣтомъ Евангельской истины и тьмою грубаго шаманства? И чего бы кажется легче убѣдить шаманца перемѣнить нелѣпое суевѣріе на непреложную истину святой Вѣры?—Такъ, большею частію, и судятъ издали, такъ отчасти судилъ и я. Но трехмѣсячный опытъ достаточенъ былъ для того, чтобы не умомъ только убѣдиться, а всею душею почувствовать всю глубину и силу словъ Господа: *никтоже*

можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его (Іоан. 6, 44). Есть шаманцы (не говорю о буддистахъ—ламайцахъ), которые сами не разъ читали св. Евангеліе, и все таки не только не расположились къ вѣрѣ въ Евангеліе, но еще съ какимъ-то непостижимымъ изувѣрствомъ стоятъ за свое суевѣріе. Такія явленія, понятныя истиннымъ христіанамъ, разрушаютъ всякую увѣренность въ достаточности собственныхъ нашихъ силъ къ обрщенію суевѣровъ и побуждаютъ больше всего молить Господа, чтобы Онъ Самъ, *имиже вѣсть судьбами*, привелъ заблуждшихъ на путь правый и просвѣтилъ свѣтомъ Своего Евангелія. Впрочемъ, въ удовлетвореніе вашей настойчивой просьбы, я рѣшился написать вамъ не объ успѣхахъ своихъ, до которыхъ еще далеко, и даже не о дѣлѣ, котораго, можно сказать, почти еще не было, а о первомъ знакомствѣ съ дѣломъ,—съ обѣщаніемъ, въ случаѣ ошибочности перваго взгляда, исправить его въ послѣдствіи. Можетъ быть, письмо мое будетъ слишкомъ длинно; но таково свойство перваго впечатлѣнія, что невольно заставляетъ быть многословнымъ.

Въ Посольскій монастырь, первый станъ Забайкальской миссіи и назначенное мнѣ мѣстопребываніе, я прибылъ вечеромъ 2-го іюня. Двѣ каменныя церкви его съ такою же оградою и поставленными на переднемъ фасадѣ настоятельскими келліями, окруженными высокими кедрами, издали привѣтствовали меня въ моемъ плаваніи по Байкалу. Поставленный на берегу моря (такъ здѣсь принято называть Байкалъ), монастырь кажется какъ бы плавающимъ по морю. А подъ осіяніемъ вечернихъ лучей солнца, съ своими бѣлѣющимися церквами, онъ мнѣ казался горнимъ Іерусалимомъ, сходящимъ съ небесъ, который тайнозритель Іоаннъ созерцалъ въ своемъ видѣніи. Я молилъ Господа, чтобы Онъ содѣлалъ его горою Сіонскою, градомъ Бога живаго, къ ко-

торому должны приступить всѣ заблуждающіе во тьмѣ языческаго суевѣрія.

Назначеніе служить просвѣщенію Вѣрою монголовъ—бурятъ посольскій монастырь получилъ при самомъ своемъ основаніи. Въ 1681 году здѣсь основалась первая Забайкальская миссія, состоявшая изъ двѣнадцати монаховъ (подъ начальствомъ игумена Өеодосія) и прибывшая за море изъ Москвы по повелѣнію царя Өеодора Алексѣевича и по благословенію патріарха Іоакима. И послѣ этого монастырь долго удерживалъ свое миссіонерское назначеніе за Байкаломъ; нѣсколько времени находился также въ завѣдываніи начальника Пекинской миссіи, управлявшаго имъ чрезъ намѣстниковъ. Внѣшнимъ устройствомъ своимъ онъ обязанъ лицу, имѣющему также важное значеніе въ исторіи русскихъ миссій. Это былъ «купчина Пекинскаго коровану» Григорій Аөанасьевичь Осколковъ, извѣстный своимъ ходатайствомъ предъ китайскимъ правительствомъ о дозволеніи Россіи держать свою миссію въ Пекинѣ. На обратномъ пути изъ Пекина онъ умеръ въ Монголіи, а тѣло его привезено въ Посольскій монастырь, гдѣ благодарная братія устроила надъ могилою его каменную часовню и доселѣ поминаетъ его, какъ создателя и благотворителя своей обители.

По прибытіи въ монастырь, я горѣлъ желаніемъ поскорѣе видѣться, и бесѣдовать съ своею, непросвѣщенною свѣтомъ истинной Вѣры, паствою. Случай представился скоро. Черезъ пять дней по прибытіи, я приглашенъ былъ въ ближайшее къ кочевкѣ кударинскихъ бурятъ селеніе (Творогово), въ тридцати верстахъ отъ посольскаго монастыря, для служенія по случаю храмоваго праздника и ярмарки. Мѣстный священникъ, знакомый со всѣми инородческими властями, обѣщался въ собственномъ домѣ познакомить меня съ тайшею, зайсанами и шуленгами, которые, по его словамъ, непре-

мѣнно должны были прибыть на ярмарку и даже быть въ церкви. Я уже обдумывалъ: что буду говорить съ ними объ истинѣ христіанства и объ ихъ заблужденіи. Но расчетъ нашъ оказался невѣренъ. Вѣроятно, напередъ узнавши о моемъ пріѣздѣ, изъ властей никто не являлся на ярмарку, а простые буряты держали себя слишкомъ далеко, чтобы имѣть случай бесѣдовать съ ними. Огорченный первою неудачею, я рѣшился ѣхать за Селенгу совсѣмъ съ другою цѣлію, и здѣсь, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ двѣ большихъ толпы бурятъ. Возвращавшіеся съ ярмарки, буряты сошлись со мною на перевозѣ, и какъ ни старались уклониться отъ меня, я нашелъ случай заговорить съ ними о Вѣрѣ. Отвѣтъ на мои слова у всѣхъ былъ одинъ: «Богъ далъ семьдесятъ семь языковъ и семьдесятъ семь вѣръ. Вы — русскіе; вамъ Богъ далъ и вѣру русскую; а намъ, бурятамъ, далъ бурятскую». На это возраженіе, казалось, нельзя было отвѣчать иначе, какъ отвѣчаютъ мнимымъ прогрессистамъ, проповѣдующимъ ту же самую мысль, только нѣсколько общѣе и отвлеченнѣе. Но буряты понимали вѣру гораздо обширнѣе, относя къ ней весь свой бытъ со всею обстановкою, въ отличіе отъ быта и образа жизни русскихъ. Потому они стали ссылаться на свое неумѣнье жить по русски; ѣсть хлѣбъ и жить въ домахъ, вмѣсто юртъ. Впрочемъ, въ заключеніе, объявили, что если велитъ креститься царь и крестятся ихъ начальники; то и они не откажутся отъ крещенія.

Понятіе о вѣрѣ, какъ о всемъ народномъ бытѣ, со всею его обстановкою, обыкновенное у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, у бурятъ — шаманцевъ и ламайцевъ — могло сложиться и вслѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, — потому что доселѣ всякій крещенный бурятъ выселялся изъ своего улуса къ русскимъ и дѣлался русскимъ не по вѣрѣ только, но и по всему образу жизни. Переселеніе это дѣлается сколько

по естественному расположенію, съ перемѣною вѣры, перемѣнить и жизнь, столько же и по нуждѣ. Крещенный бурятъ среди некрещенныхъ есть всегдашній исповѣдникъ, если не мученикъ, особенно среди ламскаго населенія, и самая бдительная и благонамѣренная полиція не можетъ защитить его отъ притѣсненій его бурятскихъ начальниковъ и простыхъ бурятъ. Какъ вредно такое положеніе крещенныхъ бурятъ въ дѣлѣ распространенія христіанства, я не разъ испыталъ самъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ о вѣрѣ, бурятъ непремѣнно задаетъ вопросъ: что ему дѣлать, если не согласятся съ нимъ креститься жена и дѣти? Мнѣ случалось встрѣчать бурятъ, давно расположенныхъ къ христіанству, даже перенесшихъ много оскорбленій за свои убѣжденія, и все еще остающихся некрещенными, потому что или переселеніе было бы для нихъ разореніемъ, или не могутъ убѣдить креститься свое семейство. Нельзя не пожелать, чтобы гражданское начальство, въ видахъ самой гражданской цивилизаціи поставляло вездѣ тайшей и другихъ начальниковъ изъ крещенныхъ бурятъ, или такъ называемыхъ осѣдлыхъ ясачныхъ инородцевъ, которые своимъ примѣромъ и вліяніемъ скорѣе ввели бы между инородцами осѣдлую жизнь, и уничтожили бы то сочувствіе къ Монголіи, которые ламайцы доселѣ питаютъ къ ней, какъ родинѣ своей вѣры.

Такъ какъ, по словамъ первыхъ моихъ знакомцевъ изъ бурятъ, дѣло обращенія къ христіанству стоитъ за начальниками; то я рѣшился обратиться и къ нимъ съ Евангельскою проповѣдію, и 24-го іюня нарочно пріѣхалъ въ Кударинскую степную Думу. По случаю потопленія цаганскаго улуса отъ бывшаго въ прошлую зиму землетрясенія, при думѣ теперь живетъ много бурятъ переселенцевъ, и въ числѣ ихъ самъ Тайша Заяханъ Хамагановъ, болѣе другихъ пострадавшій отъ наводненія. Потому сдѣлать собраніе бу-

рать здѣсь было легко, и тайша, для собесѣдованія со мною, дѣйствительно, собралъ большой сугланъ, такъ что всѣ не могли помѣститься въ довольно обширномъ зданіи думы.

Бесѣда моя къ собранію продолжалась около часа, если не больше. Всѣ слушали съ замѣтнымъ вниманіемъ — особенно когда я говорилъ о постигшемъ ихъ бѣдствіи отъ землетрясенія, какъ вразумленіи Божіемъ къ принятію святой Вѣры, и о своемъ назначеніи, съ настоящаго года, быть для нихъ учителемъ Вѣры. Нѣкоторые, по забывчивости, даже въ слухъ выражали одобреніе на слова мои, но когда я къ концу бесѣды попросилъ каждаго высказать свое мнѣніе, всѣ оказались незнающими русскаго языка, кромѣ тайши, который на этотъ разъ постыдился притворяться. Это обыкновенная уловка бурята — притворяться непонимающимъ, когда не хочетъ дать отвѣта. Бурятъ — поважнѣе, обыкновенно, говоритъ черезъ переводчика, чтобы показать свою важность, потому что, по азіатскимъ понятіямъ, гораздо важнѣе говорить черезъ переводчика, чѣмъ непосредственно, или для того, чтобы имѣть время обдумать отвѣтъ. Узнавши эту привычку, послѣ я всегда старался прежде всего заставить бурята говорить по русски, и для этого начиналъ разговоръ о чемъ нибудь такомъ, о чемъ онъ охотно заговорить можетъ, и потомъ уже переходилъ къ разговору о Вѣрѣ. Относительно кударинскихъ бурятъ мнѣ прежде было извѣстно, что всѣ они, не исключая женщинъ и дѣтей, болѣе или менѣе знаютъ по-русски. Потому, не смотря на отказъ ихъ говорить со мною, я продолжалъ еще нѣсколько времени свою бесѣду, чтобы по крайней мѣрѣ оставить у нихъ въ памяти истину Евангельскую, въ надеждѣ возращенія посѣяннаго сѣмени благодатію Божіею. Послѣ мнѣ сдѣлалось извѣстно, что тайша, не смотря на свое рѣдкое для бурята образованіе, фанатически преданный шаман-

ству, собралъ на сугланъ такихъ лицъ, на обращеніе которыхъ всего менѣе можно было расчитывать. Наконецъ, выразивши собранію свое желаніе чаще быть у нихъ для собесѣдованія о Вѣрѣ, я отправился къ шуленгѣ (родовому головѣ) Сувору Соктоеву, не бывшему на сугланѣ, но, какъ мнѣ сказывали, расположенному къ христіанству.

Фанатическая преданность шаманству тайши Заяхана Хамаганова (говорятъ, онъ самъ шаманъ), кажется, много вредитъ распространенію христіанства между кударинскими бурятами. Мнѣ сказывали, что Суворъ Соктоевъ еще въ прошедшемъ году на сугланѣ объявилъ миссіонеру протоіерею Державеву о своемъ намѣреніи принять христіанство. Объявляя объ этомъ публично, онъ надѣялся, что вслѣдъ за нимъ тоже объявятъ и другіе. Но когда увидѣлъ, что его никто не поддерживаетъ, и самъ остался въ нерѣшительности.

Шуленга встрѣтилъ меня за заборомъ своей юрты и много извинялся, что принимаетъ въ лѣтней кочевой юртѣ, а не въ зимовьѣ, которое у него устроено по русски. Въ переднемъ углу я увидѣлъ у него ламскихъ бурхановъ (кумиры буддійскіе) съ жертвами предъ ними (вода и яровая рожь въ мѣдныхъ чашечкахъ и китайскія курительныя спички). Суворъ давно понялъ нелѣпость шаманскаго суевѣрія и давно перемѣнилъ его на ламское. На вопросъ мой, знаетъ ли онъ свою новую вѣру, шуленга съ откровенностію отвѣчалъ: «во тьмѣ ходимъ! по русски я читаю, а по монгольски не учился, и потому знаю только то, что говорили мнѣ пріѣзжіе ламы». На приглашеніе принять христіанства, которое ему болѣе извѣстно, чѣмъ ламство, Суворъ отвѣчалъ, что онъ давно бы готовъ креститься, но отецъ не даетъ ему на то благословенія, — которое, прибавилъ онъ, и христіанская Вѣра велитъ уважать. Но шуленга не рѣшается принять христіанство еще потому, что у него

двѣ жены, съ принятіемъ христіанства онъ долженъ будетъ отказать одной. Онъ самъ потомъ высказался, что когда въ первый разъ объявилъ о своемъ желаніи креститься, то домашніе оплакивали его, какъ мертваго. Поелику ни ламская ни шаманская вѣра не учитъ многоженству; то не законно ли было бы воспретить инородцамъ эту вольность, такъ вредную во многихъ отношеніяхъ?

Во время собесѣдованія моего съ шуленгою, въ юрту его, мало по малу, набралось довольно бурятъ его родовичей, живущихъ съ нимъ въ одномъ улусѣ. Примѣръ родоваго головы, давно оставившаго шаманство, котораго они держались, и тутъ же свидѣтельствовавшаго объ обманахъ шамановъ, много долженъ былъ подкрѣплять мое слово къ собравшимся шаманцамъ. Но невѣріе и тутъ нашло возраженіе. Когда необходимость перемѣнить суевѣріе на вѣру сдѣлалась очевидною, одинъ изъ собранія тономъ обиженнаго выразилъ мнѣ, что я напрасно убѣждаю ихъ принять христіанство. «Вѣдь мы, говорилъ онъ, ходимъ же въ церковь и ставимъ свѣчи; особенно въ Екатерининъ день (24-го ноября — храмовой праздникъ въ сосѣднемъ христіанскомъ селеніи): на чтожъ насъ еще заставлять креститься?» Я воспользовался этимъ, чтобы показать имъ, что чествуемые ими святые, какъ и великомученица Екатерина и св. Параскева, были крещеные и за крещеную вѣру приняли мученіе. «Какъ же вы», прибавилъ я, «чтите крещенныхъ святыхъ, а вѣры ихъ, которая сдѣлала ихъ святыми, принять не хотите»? Но буряты кланялись мнѣ и просили оставить ихъ при старой вѣрѣ: «мы буряты, и жить должны по бурятской вѣрѣ».

Наконецъ вбѣгаютъ въ юрту маленькій сынъ и дочь шуленги, и, увидѣвши меня, подходятъ ко мнѣ на благословеніе. Благословивши ихъ, я спросилъ, какъ ихъ зовутъ и

чему они учатся. Оказалось, что хотя они не крещены, но имена у нихъ христіанскія и сынъ учитъ краткую священную исторію съ краткимъ катихизисомъ. Нужно замѣтить, что въ русско-монгольскихъ школахъ при степныхъ думахъ всѣ дѣти, безъ различія вѣры, учатъ христіанскія молитвы, символъ вѣры и заповѣди Господни; учители также избираются, безъ различія вѣры, христіане и язычники; но учатъ вездѣ одному и по однимъ книгамъ. Сына шуленги я заставилъ прочитать молитву предъ ученіемъ. Съ чувствомъ умиленія слушалъ я эту молитву изъ устъ малютки-язычника, и молилъ вмѣстѣ съ нимъ Господа, чтобы Онъ Самъ просвѣтилъ сердце его Духомъ Святымъ къ уразумѣнію того, чему его учатъ безсознательно. На вопросъ мой, хочетъ ли онъ ѣхать ко мнѣ въ Посольскъ, дитя весело отвѣчалъ: «хочу»! Но когда я предложилъ ему вопросъ, хочетъ ли онъ креститься, — онъ серьезно взглянулъ на меня и отвѣчалъ: «нѣтъ»!

Не съ отрадою въ душѣ оставилъ я эту юрту, въ которой видѣлъ такую борьбу различныхъ вѣръ, — положивши въ умѣ не пропускать ее въ будущія поѣздки.

Въ кударинскомъ вѣдомствѣ долго не было миссіи, хотя 4,500 душъ некрещенныхъ бурятъ и заслуживали бы того, чтобы имѣть своего миссіонера. На первый разъ предполагается нанять при Степной думѣ временную квартиру для пріѣзда миссіонеровъ изъ Посольскаго монастыря, и завести походную полотняную церковь; но доселѣ пока не имѣется для сего ни средствъ, ни людей свободныхъ. Ищите намъ достойныхъ людей, особенно изъ монашествующихъ. Добрая монашеская жизнь и усердіе къ просвѣщенію заблуждшихъ суть главныя качества желающаго принять на себя миссіонерское служеніе: все прочее *приложится* само собою.

5-го Сентября 1862 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Іюня 27-го я отправился изъ Посольскаго монастыря къ монголамъ-бурятамъ селенгинскаго вѣдомства, живущимъ по рѣкѣ Селенгѣ, отъ Верхнеудинска до китайской границы.

Отъ Посольска до Верхнеудинска совсѣмъ нѣтъ инородческаго населенія. Но съ первой станціи за Верхнеудинскъ почти рядомъ начинаютъ тянуться по степи бурятскіе улусы. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ во множествѣ предметы ихъ суевѣрнаго чествованія. Бухманы (въ родѣ часовень) и обоны (въ родѣ костровъ) повсюду виднѣлись на вершинахъ горъ, вдоль столбовой дороги, чтобы отвлекать къ себѣ злыхъ духовъ (читкуровъ) отъ лежащихъ по другую сторону дороги бурятскихъ улусовъ.

Въ Селенгинскѣ, нѣкогда бывшемъ мѣстопребываніи св. Иннокентія и главномъ поприщѣ его апостольской дѣятельности, обратили мое вниманіе остатки англійской миссіи, не такъ давно выѣхавшей изъ Россіи. Въ дѣлѣ обращенія инородцевъ къ христіанству, кажется, немного успѣла эта миссія, не смотря на долговременное пребываніе свое въ Россіи. Но и доселѣ остается послѣ нихъ довольно обширное заведеніе, домъ, типографія и библіотека. Библіотека находится у Селенгинскаго купца Н. И. Мельникова, который хранитъ ее, въ ожиданіи, не будетъ ли требованія на нее отъ прежнихъ ея владѣльцевъ. А типографія перевезена въ Иркутскъ и теперь, говорятъ, находится въ кладовой какого-то присутственнаго мѣста, вѣроятно, въ ожиданіи не найдется ли человѣкъ, который бы сдѣлалъ изъ нея надлежащее употребленіе. Изъ этой типографіи, въ свое время,

вышли десятки тысячъ экземпляровъ Библіи на монголо-бурятскомъ языкѣ; но теперь и слѣда ихъ не видно: ламы истребили все, что ни распространяли въ народѣ англійскіе миссіонеры. Въ Селенгинскѣ я досталъ одинъ экземпляръ Ветхаго Завѣта, а Новаго Завѣта доселѣ не могъ достать, не смотря на предложеніе заплатить, что бы ни потребовали. По свидѣтельству знатоковъ монголо-бурятскаго языка, переводы англійскихъ миссіонеровъ едва ли не лучше всѣхъ извѣстныхъ доселѣ переводовъ на этотъ языкъ. При переводѣ они держались средины между книжнымъ монгольскимъ языкомъ и простымъ бурятскимъ. Отъ того ихъ переводъ заключаетъ въ себѣ два лучшія качества, — благородство языка, необходимое для слова Божія, и удобопонятность для всякаго бурята.

Обращая вниманіе на средства, которыми владѣла англійская миссія, состоявшая изъ двухъ человѣкъ, я не могъ не подивиться огромности этихъ средствъ. И всѣ они достаются англійской миссіи безъ всякаго пособія отъ казны, единственно отъ своихъ обширныхъ и богатыхъ миссіонерскихъ обществъ. Не привыкши, подобно намъ, на всякое доброе дѣло ожидать пособія отъ правительства, англичане охотно вносятъ свои капиталы не въ одни торговыя и промышленныя компаніи, но и во всякія благотворительныя общества [1]). Пора бы и намъ, православнымъ христіанамъ, — особенно теперь, когда правительство даетъ столько простору для самостоятельнаго развитія силъ народныхъ, — воспользоваться этимъ примѣромъ и позаботиться о нашихъ, внутри Россіи находящихся, миссіяхъ. У насъ много благотворитель-

---

[1]) Изъ Пекина извѣщаютъ наши миссіонеры, что римско-католическая миссія начала строить въ Китайской столицѣ соборъ, предъ которымъ наши Пекинскія церкви не болѣе, какъ часовни. *Авт.*

ныхъ христіанъ, готовыхъ на всякое пожертвованіе ради добраго дѣла; но нѣтъ людей, которые направляли бы въ наилучшимъ цѣлямъ эту благотворительность. Между тѣмъ, отъ недостатка средствъ и самыя миссіи наши постоянно стѣсняются въ своей дѣятельности и не только забываютъ и думать о какихъ-нибудь обширныхъ заведеніяхъ для своей цѣли, но иногда удерживаются отъ лишней поѣздки въ сосѣдній улусъ, потому что и на это также требуются деньги, не говоря уже о необходимыхъ вспоможеніяхъ инородцамъ.

Изъ Селенгинска, по обстоятельствамъ, я долженъ былъ посѣтить въ Кяхту и вмѣсто буддистовъ-ламайцевъ, для которыхъ ѣхалъ, первый опытъ проповѣди долженъ былъ сдѣлать китайцамъ. Май-май-ченскіе китайцы, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые ежедневно бродятъ по Кяхтѣ, всѣ говорятъ по-русски, но такимъ непостижимымъ нарѣчіемъ, что для бесѣды съ ними я долженъ былъ прибѣгнуть къ посредству переводчика. Но китайцы еще менѣе отрадныхъ надеждъ подали мнѣ, чѣмъ кударинскіе буряты *). Не имѣя сами никакой религіи, они не чувствовали потребности и въ истинной Вѣрѣ. Изъ любопытства былъ я въ китайской кумирнѣ въ Май-май-ченѣ. Кумировъ въ ней едвали не болѣе, чѣмъ въ буддійскихъ кумирняхъ; но все это изображенія не боговъ, въ собственномъ смыслѣ, какихъ бы то ни было, но, какъ объясняли китайцы, героевъ, или вѣрнѣе — вообще великихъ людей, оказавшихъ важныя заслуги человѣчеству. Служеніе имъ (предъ кумирами стоятъ постоянно жертвы) есть также не болѣе, какъ гражданская обязанность, возлагаемая правительствомъ только на Дзаргучея (пограничнаго коммисара) и главъ семействъ, которыхъ въ Май-май-

---

*) Смотри первое письмо изъ Посольскаго монастыря.

ченѣ почти не бываетъ. Здѣсь живутъ только приказчики, большею частію, люди молодые, мало думающіе о какой бы то ни было вѣрѣ. На слова о вѣрѣ они отвѣчаютъ улыбкою, обличающею легкомысліе и всѣмъ извѣстную китайскую гордость. Въ Троицко-Савскѣ одинъ священникъ (Константинъ Сотниковъ) съ заботливостію старается о покореніи святой Вѣрѣ своихъ гордыхъ сосѣдей и успѣлъ пріобрѣсти отъ нихъ личное уваженіе и довѣренность; но успѣха отъ своей проповѣди еще не видѣлъ.

Изъ Кяхты началось мое собственно-миссіонерское путешествіе, для котораго я выѣхалъ. Сначала я отправился на востокъ по Китайской границѣ, вверхъ по Чикою. Здѣсь населеніе идетъ по большей части узкою долиною между хребтами горъ, расположенными вдоль по теченію рѣкъ. Великолѣпные виды, умѣренный и пріятный климатъ и рѣдкая по хлѣбородію почва часто заставляла меня задумываться, какъ мало мы, русскіе, знаемъ свою Россію: въ какихъ мрачныхъ, нерѣдко ужасающихъ, видахъ представляется воображенію русскаго крестьянина Сибирь, особенно такой отдаленный край, какъ Забайкальская область, и онъ тѣснится, полуголодный, во внутреннихъ губерніяхъ, боясь и подумать о переселеніи въ Сибирь.

Первыми обитателями этихъ мѣстъ были буряты монголы. Они же первые изъ русскихъ монголовъ сдѣлались и послѣдователями буддизма, — изъ жаркаго климата Индіи наконецъ достигшаго и до холоднаго сѣвера Россіи. Въ настоящее время монголовъ-бурятъ на этой мѣстности считается до семи тысячъ душъ обоего пола.

Проповѣдь моя о Христѣ и здѣсь, какъ у кударинскихъ бурятъ, естественно прежде всего обращена была къ простымъ бурятамъ, которыхъ всегда удобнѣе встрѣтить и на степяхъ и въ улусахъ. Для привлеченія ихъ къ себѣ мнѣ

не нужно было употреблять никакихъ стараній. Свойственное всѣмъ необразованнымъ народамъ любопытство влекло ихъ ко мнѣ вездѣ, куда я ни пріѣзжалъ. Стоило только остановить экипажъ, и тотчасъ толпы бурятъ окружали его со всѣхъ сторонъ. Увидѣвши предъ собою духовное лице, всѣ другъ предъ другомъ спѣшили принять благословеніе, наклоняя головы и поднимая сложенныя ладонями руки отъ груди ко лбу; нѣкоторые же, въ знакъ особеннаго уваженія, дѣлали при этомъ по три земныхъ поклона.

Изъ этого можно было уже догадаться, что отношенія простыхъ бурятъ-ламайцевъ къ христіанству такія же, какъ у бурятъ-шаманцевъ; у тѣхъ и у другихъ одно и тоже понятіе объ одномъ Богѣ и данныхъ имъ разныхъ вѣрахъ и о необходимости каждому народу держать свою вѣру. «Вашъ Богъ — нашъ Богъ, вашъ лама — нашъ лама; Богъ одинъ, вѣра разна», — говоритъ бурятъ русскому при разсужденіи о вѣрѣ. До чего простирается это, можно сказать, безразличіе въ вѣрѣ у простыхъ бурятъ, показываютъ слѣдующіе, бывшіе со мною, случаи. Въ Харацаѣ (на рѣкѣ Джидѣ, по границѣ Китайской) одинъ бурятъ, почитая меня за такого же хамбо-ламу (первенствующаго ламу), какой и у нихъ, явился ко мнѣ съ жалобою на своихъ ламъ за то, что слишкомъ много берутъ за похороны, и просилъ меня заставить ламъ хоронить бѣдныхъ бурятъ дешевле. Сколько я ни уговаривалъ его оставить ламъ и не искать отъ нихъ погребенія, онъ не хотѣлъ внимать моимъ словамъ и не переставалъ просить о томъ же. Матери — бурятки, поднося дѣтей своихъ на благословеніе, рекомендовали мнѣ посвященныхъ ими въ ламы, въ полной увѣренности заслужить отъ меня одобреніе за посвященіе въ званіе, къ которому принадлежу самъ. Въ одномъ мѣстѣ, молившіеся на горѣ буряты, увидѣвши меня, тотчасъ подбѣжали ко мнѣ и съ чув-

ствомъ самодовольства стали объяснять мнѣ, что они «служили молебенъ, — такъ, по своему, — на счетъ скота».

Что такія отношенія къ христіанской Вѣрѣ и ея служителямъ у простыхъ бурятъ искренни, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, но и заключать изъ этого о близости ихъ къ благодатному царству Христову было бы слишкомъ поспѣшно. Они могутъ креститься, и въ большомъ числѣ, если подадутъ въ томъ примѣръ ихъ начальники и особенно ламы. Но безъ этого, убѣжденіе каждаго бурята въ отдѣльности большею частію остается безъ послѣдствій. Онъ всегда будетъ ссылаться или на начальниковъ, или на общество, отъ которыхъ боится отдѣлиться. И самый индифферентизмъ ихъ, кажется, больше вреденъ для христіанской проповѣди, чѣмъ полезенъ. Когда я излагалъ предъ бурятами ученіе христіанское, они слушали меня съ большимъ вниманіемъ и громко одобряли все, что я ни говорилъ имъ. «Хороша русская Вѣра», говорили мнѣ буряты, и — потомъ прибавляли: «ладна и наша — ламайская». Что чрезъ это въ головахъ ихъ рядомъ ложились совершенно противорѣчущія понятія, о томъ никто изъ нихъ и не думалъ.

Но самое важнѣйшее противодѣйствіе христіанской проповѣди, какъ и самое важное зло въ здѣшнемъ краѣ, составляетъ ламство. По буддійскому ученію, послѣдователь его въ равной мѣрѣ долженъ благоговѣть къ тремъ драгоцѣнностямъ: къ Богу (онъ же Будда, Шакъ-ямуни или Шигмуны), его закону и сангѣ (братству, или ламству). Не вѣрить ламѣ все равно, что не вѣрить самому Богу или Буддѣ. Когда я предъ простыми бурятами раскрывалъ обманы ламъ, на меня смотрѣли съ удивленіемъ, и съ робостію замѣчали мнѣ, что о ламѣ нельзя слова сказать худаго. По укоренившемуся обычаю (хотя и противному ихъ вѣрѣ и запрещенному закономъ) въ ламы посвящаются дѣти часто

при самомъ рожденіи: едва младенцу обрѣютъ голову (знакъ посвященія въ ламы; простые буряты носятъ косу на манеръ китайцевъ), какъ родители становятся къ нему уже въ почтительномъ отношеніи, называютъ его ламою и дѣлаютъ для него все, чего бы ни потребовало капризное дитя. И всякій лама, приходя въ юрту простаго бурята, становится господиномъ юрты, дѣлаетъ приказанія, какъ настоящій владѣлецъ, и даже, говорятъ, посягаетъ на такіе предметы, неприкосновенность которыхъ освящается закономъ и природою. Казалось бы, при чрезвычайномъ умноженіи ламъ, уваженіе къ нимъ само собою должно уменьшиться; но ламы умѣли и это обратить въ свою пользу. Чтобы закрѣпить народъ за собою, они въ каждомъ значительномъ семействѣ, гдѣ не менѣе трехъ сыновей, непремѣнно одного посвящаютъ въ ламы и такимъ образомъ всѣ почти семейства по неволѣ заинтересовываютъ въ своемъ обширномъ сословіи. Если бы не помогло и это, они покорили бы народъ мнимыми чарами и угрозою начитыванія. Простой бурятъ отъ души вѣритъ, что всякій лама можетъ начитать ему бѣду, какой и не воображалъ онъ: тибетскія книги, которыя читаютъ ламы, представляются ему какъ бы волшебными книгами, въ которыхъ лама найдетъ все, что ему угодно [1]).

Не смотря на всѣ сіи препятствія, я возвѣщалъ имя Христово вездѣ, гдѣ находилъ людей, способныхъ понимать меня. Входъ въ юрту бурята открытъ всегда, и онъ нисколько не удивится, увидѣвши въ своей юртѣ непрошеннаго гостя, —

[1]) Этотъ даръ начитыванія многіе буряты приписываютъ и русскому духовенству. Я слышалъ, что буряты смерть своего прежняго хамболамы въ 1859 году объяснили тѣмъ, что преосвященный, котораго онъ не захотѣлъ встрѣтить у себя въ дацанѣ, начиталъ на него, — и онъ умеръ.

потому что пріемомъ не стѣсняется: въ чемъ былъ, въ томъ и остается. Общей проповѣди много помогаетъ то, что многіе изъ бурятъ, болѣе или менѣе, понимаютъ русскій языкъ, такъ что въ каждой толпѣ непремѣнно найдется человѣкъ, который пойметъ и охотно передастъ другимъ рѣчь русскаго ламахая (ламы или священника). Ожидать успѣха отъ какой бы то ни было проповѣди тотчасъ послѣ проповѣди было бы слишкомъ большою самонадѣянностію. Вѣковыя суевѣрія и предразсудки, какъ бы ни были нелѣпы, не уничтожаются часовымъ убѣжденіемъ, особенно когда касаются предметовъ религіознаго чествованія. Но я училъ и другихъ убѣждалъ учить, въ томъ христіанскомъ упованіи, — да егда пріидетъ Утѣшитель, Духъ Святый, воспомянетъ имъ все, что говорено имъ мимоходомъ, и уяснитъ то, что они, можетъ быть, и не совсѣмъ поняли. Мы призваны насаждать и напаять, а возращаетъ Богъ. Но, какъ говоритъ Апостолъ, *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3, 7). Ему общему Отцу всѣхъ, убѣждалъ я молиться своихъ слушателей, чтобы Онъ Самъ Духомъ своимъ Святымъ научилъ ихъ единой истинной Вѣрѣ. Многіе опыты показали, что слово о Христѣ, сказанное за нѣсколько лѣтъ, приводило невѣрующаго къ святой Вѣрѣ, когда благодать Божія, коснувшись его сердца, живѣе представляла его сознанію то, что прежде для него было не ясно.

Наконецъ нужно было обратиться съ проповѣдію о Христѣ распятомъ и къ руководителямъ народа — ламамъ. Съ одной стороны, помыслъ говорилъ мнѣ: *ни отъ тернія чешутъ смоквы, ни отъ купины емлютъ гроздія* (Лук. 6, 44); а съ другой, слышалось и то: *како увѣруютъ, егоже не услышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдующаго* (Рим. 10, 14)? *И духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо*

идетъ: тако есть всякъ человѣкъ, рожденный отъ Духа (Іоан. 3, 8). Были же ламы, которые не только принимали святую Вѣру, но и сами становились проповѣдниками.

Первое посѣщеніе сдѣлано мною ламамъ цонгольскаго дацана (монастыря), лежащаго на правомъ берегу Чикоя, неподалеку отъ устья Керана. Цонгольскій дацанъ есть древнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи. Въ 1764 году ширетуй (настоятель) его Зайяга получилъ званіе Хамбо-ламы или Бандидо, съ правомъ управленія всѣмъ ламайскимъ духовенствомъ; и съ тѣхъ поръ званіе это оставалось за цонгольскимъ настоятелемъ до 1808 года, когда, послѣ продолжительной борьбы, оно перешло къ гусиноозерскому ширетую, за которымъ остается и доселѣ. Впрочемъ цонгольскіе ламы и теперь еще не перестаютъ соперничать съ гусиноозерскимъ. Въ проѣздъ свой я узналъ, что въ настоящемъ году у нихъ произошло даже нѣчто въ родѣ раскола; по крайней мѣрѣ, цонгольскіе ламы не захотѣли слѣдовать предписанію Хамбо-ламы относительно праздниковъ и праздновали ихъ не въ одно съ Хамбою время.

Цонгольскіе ламы встрѣтили меня за воротами своего дацана съ музыкою; и съ преднесеніемъ предо мною тибетской курительной свѣчки, ввели меня въ обширную кумирню. Вокругъ этой кумирни замѣчено мною еще нѣсколько кумирень, а за ними келліи для ламъ. Съ скорбнымъ чувствомъ осматривалъ я главную кумирню, сличая съ нею бѣдныя сибирскія церкви. Дастъ ли Господь Богъ, думалъ я, и намъ эти языческія капища обратить въ святые храмы, какъ нѣкогда святый Константинъ Великій обратилъ идольскія капища въ христіанскія церкви? Такой неожиданный пріемъ цонгольскими ламами и самимъ ширетуемъ ихъ, гордымъ Шарыпъ-Намджиловымъ, соперникомъ хамбы, сдѣланъ мнѣ, кажется, не даромъ. Никто такъ хорошо не понимаетъ всей фальшивости

положенія ламъ въ Россіи, какъ сами ламы; они вполнѣ чувствуютъ, что огромное значеніе и богатство, данныя имъ правительствомъ, могутъ ускользнуть отъ нихъ, если истинное положеніе ихъ дѣлъ будетъ выведено наружу. По ученію своей вѣры, ламы не что иное, какъ аскеты, не имѣющіе никакого отношенія къ мірянамъ: но у насъ къ ламайскимъ дацанамъ приписаны приходы и ламамъ дано право совершать какія-то, неизвѣстныя въ буддизмѣ, требы, и за то пользоваться отъ мірянъ доходами. Потомъ, за свою службу, неизвѣстно, для чего нужную въ христіанскомъ государствѣ, они освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, отъ всѣхъ повинностей казенныхъ и общественныхъ и даже отъ казачьей службы, если лама былъ казачьяго происхожденія [1]), болѣе другихъ сословій свободны отъ надзора гражданской власти, потому что подчинены хамбо-ламѣ, который, завися непосредственно отъ генералъ-губернатора восточной Сибири, утверждается въ своемъ званіи самимъ Государемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по одному представленію хамбо-ламы, ламы награждаются медалями и даже орденами. Наконецъ, дацанамъ отведены такія прекрасныя и обширныя земли, какихъ не имѣютъ лучшіе православные монастыри, не говоря уже о сельскихъ причтахъ. Такъ, къ гусиноозерскому дацану примежевано 1.500 десятинъ, къ агинскому 1.400 десятинъ, къ цугильскому и аларскому до 1.200 десятинъ. Самые малые дацаны, имѣющіе двухъ ламъ, кромѣ ширетуя и бандія, надѣлены по 350 десятинъ. Въ частности, на долю хамбо-ламы отведено 500 десятинъ, ширетуямъ по 200 десятинъ, каждому ламѣ по 60 десятинъ и даже ховаракамъ (ученикамъ) по 15 десятинъ. Денежные доходы дацановъ по положенію

---

[1]) Этого права лишены дѣти казаковъ, для поступленія даже въ православное монашество.

составляются, кромѣ платы ламамъ за требы, отъ доброволь-ныхъ приношеній мірянъ и отъ продажи бурхановъ, мо-литвъ, поясовъ и другихъ предметовъ *церковныхъ* (sic),—которая составляетъ исключительную принадлежность даца-новъ. Хотя §§ 39, 47 и 48 «Положенія о ламайскомъ духо-венствѣ» предписываютъ ламамъ общежитіе, согласно буд-дійскому вѣроученію; но § 56 тогоже «Положенія» почему-то снова уничтожаетъ это предписаніе, узаконяя раздѣлъ доходовъ отъ земель и другихъ статей, такъ что нашимъ ламамъ даны отъ правительства такія богатства, права и вольности, о какихъ и не мечтали ламы Тибета и Монголіи, отчизны ламской вѣры [1]). Что же, въ замѣну всего этого, дастъ ламамъ христіанство, если бы кто изъ нихъ рѣшился принять его? Ничего, кромѣ благъ духовныхъ. Напротивъ, у нихъ отниметъ оно всѣ ихъ богатства и права, сдѣлаетъ ихъ простыми ясачными или русскими крестьянами, обло-житъ всѣми повинностями, казенными и общественными, и подчинитъ строгому надзору земской полиціи. Словомъ, оно потребуетъ отъ нихъ подвиговъ, примѣры которыхъ мы ви-

---

[1]) Замѣчательно, что тѣмъ же ламамъ у астраханскихъ калмы-ковъ не усвоено закономъ никакихъ требъ, не дано приходовъ и строго воспрещенъ выходъ изъ хурула (дацана), безъ письменнаго дозволенія настоятеля; правъ никакихъ не присвоено, и землею до-зволено пользоваться наравнѣ съ прочими калмыками. Впрочемъ и это послѣднее дозволеніе сдѣлано вопреки ихъ вѣры и даваемыхъ обѣтовъ. Въ Китаѣ и Монголіи, гдѣ ламская вѣра пользуется пол-нымъ покровительствомъ, ламамъ не дано ни земель, ни другихъ какихъ либо казенныхъ угодій, а предоставлено содержаться на счетъ частныхъ приношеній. Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ у калмыковъ, находится въ уставахъ духовныхъ дѣлъ иностран-ныхъ исповѣданій Св. Зак. Т. XI. Положеніе о ламайскомъ духо-венствѣ въ восточной Сибири Высочайшею конфирмаціею 1853 года мая 13-го дня не велѣно вносить въ Сводъ Законовъ.

димъ только въ первенствующей Церкви, во времена гоненій на христіанство... Не давно только уничтожена присяга при вступленіи въ должность хамбо-ламы, которою онъ обязывался русскому правительству поддерживать и распространять ламскую вѣру въ Россіи. Впрочемъ нынѣ существующимъ положеніемъ предписывается ховаракамъ обучаться *преимущественно* догматамъ ламайской вѣры и за это полагается на каждаго по 15 десятинъ земли. Для чего нужно въ христіанскомъ государствѣ изученіе догматовъ языческаго суевѣрія, понять трудно.

Чѣмъ же ламы платятъ христіанскому государству за оказываемое имъ покровительство? Во первыхъ, содержаніемъ народа въ невѣжествѣ и лишеніяхъ и грязи кочевой жизни, изъ опасенія, чтобы, полюбивши русское просвѣщеніе и удобство русской осѣдлой жизни, не приняли и русской Вѣры; во вторыхъ, поддержкою въ немъ привязанности къ Монголіи и Тибету, отчизнѣ ихъ лжевѣрія и мѣстопребыванію хутухтъ и хубилгановъ, (перерожденцевъ, какъ бы полубоговъ). Такъ называемыя требы (гурумы), которыя ламы совершаютъ для народа, суть не что иное, какъ отчитываніе или начитываніе, гаданіе или ворожба и разныя, заимствованныя изъ черной вѣры, шаманскія оргіи [1]). Если ламы стали считаться необходимыми членами на родинахъ, свадьбахъ и похоронахъ, то въ томъ же смыслѣ, какъ у нашего простонародья-колдуны или знахари. Много бы можно было

---

[1]) Молитвъ, въ собственномъ смыслѣ, у ламъ нѣтъ. Въ кумирняхъ и юртахъ они читаютъ на распѣвъ вымышленную исторію будды. Всякое чтеніе начинается такъ.

«Такъ я слышалъ въ одно время:
«Сидѣлъ будда на орлиной горѣ.
«Въ саду князя, гдѣ стекалась нищета
«Изъ рукъ щедрыхъ утѣшенье получить»....

сообщить о возмутительномъ шарлатанствѣ ламъ съ цѣлію вытянуть послѣднюю овцу у бѣднаго бурята, если бы позволили предѣлы письма. Въ Селенгинскѣ мнѣ сказывали, что незадолго до моего туда пріѣзда, по смерти одного бурята, ламы растащили все его имущество и самую юрту продали въ городѣ, а бѣдное семейство пустили по міру. Плата за похороны простирается до 80 скотинъ, а иногда еще и больше. Въ отношеніи нравственномъ ламы держатся правила: *да ямы и піемъ, утре бо умремъ*. Тогда какъ простой бурятъ большею частію живетъ воздержно и довольствуется одною женою, ламы имѣютъ по двѣ и по три незаконныхъ жены, вопреки своимъ аскетическимъ обѣтамъ [1]). Хамбо-ламы, которымъ поручено отъ правительства наблюденіе за исполненіемъ положенія о ламайскомъ духовенствѣ, сами подаютъ примѣръ открытаго нарушенія его. Послѣдній хамбо-лама, Чойванъ Дорчжи Иши Жамсуевъ былъ незаконный сынъ прежняго хамбо-ламы и самъ оставилъ такого же сына, по смерти отца также представлявшагося въ хамбо-ламы. Хамбо-Иши-Жамсуевъ, удивлявшій всѣхъ своимъ необыкновеннымъ ростомъ и дородствомъ, умеръ отъ излишняго угощенія на свадьбѣ своей незаконнорожденной дочери. И не смотря на то, опутанные сѣтями ламства, буряты съ благоговѣніемъ говорили, что хамбо-лама сдѣлался бурханомъ. Сынъ его, Цыдыпъ-Дамбаевъ, кандидатъ въ хамбо-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ ламскихъ продѣлокъ описаны преосв. Ниломъ въ сочиненіи: «Буддизмъ-разсматриваемый по отношенію къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири». Зная отношенія ламъ къ народу, трудно понять, почему они закономъ отличены отъ шамановъ и камовъ черной вѣры, которые остаются совсѣмъ неизвѣстны правительству, хотя также имѣютъ не малое вліяніе на народъ.

ламы, до того запился, что возбуждаетъ общее презрѣніе въ ламахъ, а народъ все таки вѣритъ, что онъ хубилганъ, что душа дѣда перешла въ него.

Цонгольская кумирня теперь едва ли не въ первый разъ сдѣлалась свидѣтельницею проповѣди о Христѣ и христіанствѣ. Слова мои два ламы тутъ же, въ моемъ присутствіи, переводили прочей братіи, незнакомой съ русскимъ языкамъ; ширетуй за всѣхъ отвѣчалъ мнѣ. Отъ ученыхъ ламъ я ожидалъ возраженій; но на дѣлѣ оказалось, что и они, какъ простые буряты, во всемъ соглашались со мною, утверждая, что у нихъ совершенно такое же ученіе, что русская Вѣра есть первая вѣра, а вторая шигмуніанская. Иначе заговорилъ гордый Шарыпъ-Намджиловъ, когда я перешелъ къ ихъ мнимому служенію Богу и человѣчеству, и къ правиламъ ихъ аскетической жизни. При первомъ вопросѣ о гурумахъ (мнимыхъ требахъ) ширетуй вспыхнулъ и, понимая, что мнѣ извѣстно ихъ значеніе, нерѣшительно отвѣчалъ, что онъ не знаетъ гурумовъ (хотя они и дозволены закономъ), что это дѣло сверхштатныхъ ламъ, которые не подчинены ему. Я спросилъ его о числѣ ламъ, принадлежащихъ къ цонгольскому дацану; онъ снова замялся и не зналъ, что отвѣчать, потому что по штату положено съ нимъ самимъ четырнадцать, а въ кумирнѣ находилось до сотни, и между ними были и дѣти, пріемъ которыхъ воспрещенъ закономъ и самою буддійскою вѣрою; сказалъ — было, что это міряне, но красная ламская одежда обличила обманъ. Наконецъ, когда я коснулся правилъ жизни, ширетуй во всемъ началъ запираться, хотя сильный потъ и не сходившая съ лица краска сильно обличали въ противномъ. Прочіе ламы издавали какіе-то непонятные звуки, обличавшіе или сильное волненіе чувства, или просто раздраженіе, такъ что спутникъ мой І. М. серьозно встревожился за свою

безопасность среди полчища раздраженныхъ ламъ. Впрочемъ ширетуй скоро одумался, — конечно, сознавая фальшивость своего положенія, — и за всѣхъ ламъ объявилъ мнѣ, что они готовы даже креститься, если крестится хамбо-лама; потомъ пригласилъ меня на чай въ свою келью, подарилъ ходакомъ (священный платокъ съ изображеніемъ бурхановъ), и просилъ и впередъ не оставлять посѣщеніемъ [1]).

Изъ цонгольскаго дацана я поворотилъ на Усть-Керанъ (на лѣвой сторонѣ Чикоя), гдѣ усердіемъ кяхтинскаго купца Я. А. Нѣмчинова недавно устроена церковь съ помѣщеніемъ для миссіонера и при немъ причетника. Миссіонеръ долженъ быть здѣсь и приходскимъ священникомъ, потому что содержаніе ему будетъ идти отъ кяхтинскаго купечества, лѣтомъ живущаго здѣсь на своихъ дачахъ. Сколько будетъ онъ удѣлять времени и усердія на проповѣдь Евангельскую отъ приходскихъ занятій, которыя даютъ ему содержаніе, опредѣлить трудно; но недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ и свободныхъ людяхъ заставляетъ пока довольствоваться тѣмъ, что предлагается усердными христіанами.

Болѣе прочное основаніе для миссіи по теченію Чикоя предполагается въ заштатномъ Чикойскомъ монастырѣ, находящемся въ 90 верстахъ на востокъ отъ цонгольскаго дацана и въ пяти верстахъ отъ пограничнаго жидинскаго караула. Миссіонеръ монашествующій предъ миссіонеромъ священникомъ вездѣ имѣетъ преимущество по свободѣ, съ

---

[1]) Впрочемъ, послѣ меня бывшему, миссіонеру І. І. Шарыпъ-Намджиловъ снова показалъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ. Онъ съ гордостію объявилъ миссіонеру, что ламская вѣра утверждена Государемъ, что онъ запретитъ всѣмъ бурятамъ принимать христіанскую Вѣру, а отъ самаго миссіонера требуетъ, чтобы впередъ не смѣлъ къ нему являться и другимъ подтвердилъ тоже.

какою можетъ располагать собою, своими средствами и трудами; посреди буддистовъ-ламайцевъ монашествующіе миссіонеры составляютъ необходимость. Какъ не низка, какъ не безобразна нравственность ламъ, буддистъ бурятъ все таки предпочтетъ ихъ женатымъ русскимъ священникамъ. Безбрачная жизнь, въ глазахъ буддиста, есть необходимое условіе совершенной жизни и только неженатые могутъ расчитывать на переселеніе душъ ихъ по смерти въ человѣка, а не въ какое нибудь безсловесное животное. Необходимо ламскимъ монастырямъ — дацанамъ противопоставить миссіонерскіе монастыри христіанскіе.

28-го сентября 1862 года.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

26-го октября 1862 года.

Іюля 11-го я снова возвратился въ Кяхту [1]). Здѣсь встрѣтилъ меня миссіонеръ, священникъ І. Никольскій, съ извѣстіемъ, что на Джидѣ между Тореемъ и Харацаемъ (на западъ отъ Кяхты, по Китайской границѣ) кочуетъ хубилганъ (перерожденецъ), выходецъ изъ Монголіи, и что наши буряты толпами идутъ къ нему на поклоненіе. Я отправился туда, — потому что прежде еще предположено было ѣхать туда. На пути я распрашивалъ о мнимомъ перерожденцѣ у русскихъ и бурятъ. Послѣдніе отвѣчали нерѣшительно, однакожъ не скрывали, что дѣйствительно пріѣхалъ мнимый выходецъ съ того свѣта. Но когда я пріѣхалъ въ означенному мѣсту, то остался только слѣдъ его кочевки. Говорили, что за три дня до моего пріѣзда, онъ ушелъ за границу. Русскіе крестьяне, везшіе меня, разсказывали, что буряты сами ѣздили въ Монголію просить его къ себѣ, и что онъ сначала распросилъ ихъ, многіе ли желаютъ принять его къ себѣ. Ему объяснили, что до трехъ сотъ юртъ ждутъ его къ себѣ. Тогда онъ переѣхалъ границу, въ сопровожденіи свиты, состоявшей изъ семи ламъ, и поселился въ пади (ложбина между горъ), не подалеку отъ дороги, ведущей изъ Торея въ Харацай. «Въ юртѣ-то», говорилъ мнѣ мой проводникъ, «выше бурхановъ сидѣлъ, окаянный! А тварь (буряты), какъ Богу, кланялась ему, мошеннику. И чего не

---

[1]) См. Духовную Бесѣду № 3 текущаго года.

приносили ему, — и соболей-то, и золота и серебра, — ну, у кого что есть лучшаго. А бумажекъ не бралъ: вишь, тамъ въ Мунгаліи они не ходятъ. Хоть и съ того свѣта, а знаетъ, что и на этомъ есть хорошее». Подобныхъ обманщиковъ уважаютъ и русскіе крестьяне, почитая ихъ за великихъ чародѣевъ, по разсказамъ бурятъ; но въ настоящемъ случаѣ я ничего подобнаго не слышалъ отъ русскихъ. О настоящемъ выходцѣ я послѣ узналъ, что онъ совсѣмъ не уѣзжалъ въ Монголію, а только при моемъ приближеніи скочевалъ на другое мѣсто. Путешествовавшій вскорѣ послѣ меня по тѣмъ же мѣстамъ, миссіонеръ І. І. слышалъ о томъ же, или о другомъ, выходцѣ, котораго буряты называли ханъ-хутухтою (царь-хутухта) и который путешествовалъ по Цакирскому и Армацкому инородческимъ вѣдомствамъ, сопровождаемый большою толпою бурятъ.

Подобные выходцы не рѣдко стали посѣщать наше Забайкалье, особенно съ тѣхъ поръ, какъ черта портофранко отнесена къ Байкалу. Гонимые нуждою дома и зная, какъ роскошно живутъ ихъ братія въ Россіи, монгольскіе ламы принимаютъ на себя образъ разныхъ святошъ, хутухтъ и хубилгановъ и, пробравшись въ Россію, здѣсь промышляютъ своимъ святошествомъ. Къ чему можетъ повести законное преслѣдованіе этихъ выходцевъ — опредѣлить мудрено, тѣмъ болѣе, что бывшимъ попыткамъ въ этомъ родѣ всегда противодѣйствовали сами буряты, тщательно укрывая перебѣжчиковъ; во всякомъ случаѣ, вредное вліяніе подобныхъ выходцевъ на успѣхъ христіанской миссіи не подлежитъ сомнѣнію. Какъ перерожденцы, представляя въ собственномъ лицѣ доказательство своего лжевѣрія, и сопровождаемые повсюду разсказами о чудесахъ, будто бы совершенныхъ ими, мнимые хутухты и хубилганы даютъ новую жизнь и силу суевѣрію вездѣ, гдѣ ни проѣдутъ. Кромѣ того, они же часто

распространяютъ въ тысячахъ экземпляровъ разныя посланія и грамоты, упавшія будто съ неба въ назиданіе грѣшному міру, а въ этихъ посланіяхъ и грамотахъ предсказываются страшныя бѣдствія всѣмъ тѣмъ, которые бы рѣшились измѣнить ламской вѣрѣ и принять христіанскую.

Съ Джиды поворотилъ я прямо по степи на Гусино-озерскій дацанъ, мѣстопребываніе хамбо-ламы. На пути къ нему я посѣтилъ два бурятскія сотенныя правленія и еще три дацана: Сортольскій, Гыгетуевскій и Учотоевскій. Вездѣ встрѣча была по одному церемоніалу. Кажется, все, что было въ цонгольскомъ дацанѣ, тотчасъ же сдѣлалось извѣстно во всѣхъ прочихъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ этихъ дацанахъ, было то, что кромѣ штатныхъ ламъ всѣ прочіе были въ простомъ бурятскомъ костюмѣ. Послѣ мнѣ сказывали, будто бы для встрѣчи меня нештатные ламы только выворотили наизнанку свою красную одежду. Я не замѣтилъ такого превращенія; однакожъ, говорятъ, справедливо, что при встрѣчѣ съ чиновниками земской полиціи ламы-самозванцы нерѣдко прибѣгаютъ къ подобнымъ метаморфозамъ; а обличительное отсутствіе косы (міряне носятъ косу, подобно китайцамъ) по-крѣпче прикрываютъ шапкою. Въ бесѣдѣ со мною, ширетуи (настоятели) означенныхъ дацановъ соглашались признавать христіанскую Вѣру не только равною шигмуніанской, но и высшею; но отъ перемѣны своей вѣры отказывались тѣмъ, что ихъ вѣра утверждена Государемъ, что для нихъ есть штаты, какъ и для православнаго духовенства, и что за службу вѣрѣ имъ даны особыя права и льготы съ обезпеченіемъ въ содержаніи. На эти пункты главнымъ образомъ опирались и во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Въ заключеніе, подносили мнѣ шелковые хадаки съ изображеніемъ бурхановъ, и снова провожали за ворота дацана.

Въ гусиноозерскомъ дацанѣ встрѣтили меня съ большею

торжественностію. Очевидно было, что новый хамбо-лама сильно расчитывалъ на эффектъ. Версты за три до дацана встрѣтилъ меня (верхомъ на лошади) старшій гылунъ-лама и бывшій кандидатъ въ хамбы, сынъ умершаго хамбо-ламы, Цыдынъ-Дамбаевъ. Самъ хамбо-лама встрѣтилъ меня со штатомъ ламъ и съ обычною музыкою за воротами дацана, вѣжливо раскланялся со мною и крѣпко пожалъ руку знакомцу своему миссіонеру, священнику І. Никольскому.

Здѣсь не лишне будетъ дать вамъ понятіе о настоящемъ хамбо-ламѣ, или вѣрнѣе — исправляющемъ должность хамбо-ламы [1]). Чойрупъ Ванчиковъ по происхожденію казакъ, и собственно для поступленія въ ламы уволенъ изъ казачьяго вѣдомства. Такъ какъ прежній хамба-Иши-Жамсуевъ, отличаясь ростомъ и дородствомъ, былъ крайне плохъ въ умственномъ отношеніи [2]): то ширетуй Ванчиковъ, не бывши еще хамбою, управлялъ всѣмъ, какъ настоящій хамбо-лама. Не смотря на то, онъ, кажется, не совсѣмъ расчитывалъ на полученіе мѣста хамбы послѣ смерти Жамсуева, потому что пьяный сынъ хамбы-Дамбаевъ, слишкомъ уважался бурятами, какъ хубилганъ, чтобы помимо его кому-нибудь сдѣлаться хамбою, — особенно, когда въ лицѣ прежняго хамбы поданъ и примѣръ преемства сына отцу [3]). Можетъ быть, въ этихъ-то обстоятельствахъ Ванчиковъ рѣшился заключить дружбу съ миссіонеромъ и изъявлялъ предъ нимъ такое расположеніе

---

[1]) По незнанію русскаго языка, онъ не утвержденъ еще въ должности.

[2]) При сношеніяхъ съ русскими, особенно съ начальствомъ, за него, говорятъ, всегда разсуждалъ переводчикъ, и потому этотъ маленькій недостатокъ не всякому бросался въ глаза.

[3]) Когда Ванчиковъ сдѣлался хамбою, то буряты говорили, что читкуры (бѣсы) непремѣнно задушатъ его, за то, что занялъ мѣсто естественнаго преемника хамбы.

къ христіанству, что тотъ счелъ не лишнимъ донести епархіальному начальству о расположеніи къ святой Вѣрѣ гусиноозерскаго ширетуя. Но лишь только Ванчиковъ сѣлъ на почетный стулъ хамбо-ламы, — и всѣ сношенія съ миссіонеромъ прекратились. Теперь новый хамбо-лама въ первый разъ увидался съ прежнимъ другомъ и, какъ ловкій дипломатъ, самъ сдѣлалъ ему выговоръ за долговременную разлуку.

Хамбо-ламѣ хотѣлось показать во всемъ блескѣ свое служеніе, и онъ просилъ у меня позволенія совершить какую-нибудь службу. Чтобы имѣть вамъ приблизительно вѣрное понятіе о ламскомъ идолослуженіи, прежде всего представьте себѣ обширную, каменную двухъ-этажную кумирню, полуосвѣщенную не большимъ числомъ оконъ, и въ полумракѣ сидящихъ рядами на низенькихъ скамьяхъ, поджавши ноги, ламъ, съ бронзовыми широкими лицами, узенькими глазками и бритыми головами. Они одѣты въ широкія желтаго цвѣта шелковыя одежды съ широкими красными перевязами и съ накинутыми сверху жолтыми плащами или мантіями, и въ широкихъ жолтыхъ съ углами и наушниками шляпахъ (малагай). Хамбо имѣлъ на себѣ шляпу золотую глазетовую и красную одежду. Одинъ изъ ламъ довольно звучнымъ басомъ затянулъ какую-то пѣсню на тибетскомъ языкѣ [1]) и вслѣдъ за нимъ подхватили всѣ ламы, аккомпанируя пѣнію страшною, невѣдомою Европѣ, инструментальною музыкою. Тутъ были разнаго рода трубы, барабаны, литавры, бубны, колокольцы, мѣдныя тарелки и тому подобное, и все это въ формахъ и размѣрахъ, мало похожихъ на наши, соотвѣтственные имъ инструменты. Напримѣръ, знаменитую укырь-

---

[1]) Что поютъ ламы въ кумирняхъ и юртахъ, показано во второмъ письмѣ изъ Посольскаго монастыря.

бурэ (трубу-корову), во время шествія, несли предо мною два человѣка и она издавала ревъ, вполнѣ соотвѣтствующій своему названію. Доселѣ еще раздается въ ушахъ моихъ страшная ламская музыка. Слушая ее и видя предъ собою такое полчище идольскихъ жрецовъ, я невольно переносился воображеніемъ къ тѣмъ разсказамъ изъ сказочнаго міра, которые слушалъ или читалъ въ лѣта дѣтства; представлялся мнѣ и адъ съ его обладателями, совершающими свои стенающія оргіи. Подобное зрѣлище не можетъ не производить огромнаго впечатлѣнія на степнаго монгола-бурята, особенно при представленіи въ каждомъ ламѣ чародѣя, способнаго сноситься съ невидимыми духами.

Послѣ этой оргіи, началась у меня тутъ же въ кумирнѣ бесѣда съ хамбо-ламою, продолжавшаяся около двухъ часовъ. Я спросилъ хамбу о его званіи и значеніи его въ буддійской іерархіи. Хамбо-лама откровенно сознался, что его званіе — есть русское изобрѣтеніе, не извѣстное въ Монголіи [1]), и что въ ламской іерархіи онъ есть не болѣе, какъ и всякой гылунъ-лама. Не могу не замѣтить и объ этомъ учрежденіи, что цѣль, для которой оно выдумано, нисколько не достигается, а зло отъ него огромное. Учрежденіемъ должности хамбо-ламы правительство хотѣло отвлечь нашихъ монголовъ-бурятъ отъ ургинскаго (въ Монголіи) хутухты, къ которому до 1764 года они свободно относились. Но во-первыхъ, хамбо никогда не замѣнялъ и не замѣнитъ хутухты. Какъ бы высоко ни поставило его правительство, все таки въ глазахъ ламайцевъ онъ будетъ простымъ человѣкомъ, но

[1]) Имя хамбо-ламы извѣстно въ Монголіи, но только какъ ученаго, какъ бы доктора буддійскаго вѣроученія, и во всякомъ случаѣ не соединяется непремѣнно съ правомъ начальства надъ другими ламами или мірянами.

не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ и есть для нихъ хутухта. Хутухта почитается не какъ духовный глава или начальникъ ламайцевъ, чѣмъ онъ и быть не можетъ, какъ несовершеннолѣтнее дитя, а какъ перерожденецъ, небожитель, полубогъ, преподающій всѣмъ одно благословеніе и отъ всѣхъ принимающій чуть не божеское поклоненіе. Это святыня, снизшедшая къ грѣшнымъ людямъ съ неба и только чрезъ ламское вычитываніе открываемая въ извѣстныхъ (по государственнымъ китайскимъ законамъ, непремѣнно въ простыхъ) тибетскихъ семействахъ. Наши буряты представляютъ его не иначе, какъ сіяющимъ подобно солнцу, такъ что грѣшному человѣку невозможно и смотрѣть на него, и — они огромными толпами бѣгутъ въ Ургу, чтобы принять благословеніе отъ солнцезрачнаго хутухты. Но, увы, не многіе удостоиваются видѣть его, и тѣ потративши большія суммы на подарки ургинскимъ ламамъ, по достиженіи цѣли возвращаются съ совершеннымъ разочарованіемъ, а иногда и съ полнымъ невѣріемъ! — Что и въ глазахъ бурятъ хамбо-лама совсѣмъ не то, что хутухты, и что званіе его есть выдумка, которую можно замѣнить всякою другою подобною выдумкою, это доказали они сами, по смерти послѣдняго хамбо-ламы, Иши-Жамсуева, когда въ 1860 году изъявили согласіе на поставленіе въ хамбо-ламы, кого угодно будетъ избирать начальству, не только изъ ламайцевъ, но даже изъ христіанъ [1]). Важнѣйшій вредъ отъ учрежденія должности хамбо-ламы состоитъ въ томъ, что въ лицѣ его, вредная сама по себѣ, ламская корпорація получила един-

[1]) Легко можно бы и даже нужно бы замѣнить хамбу русскимъ чиновникомъ, поставивши ему въ обязанность наблюдать за исполненіемъ ламами русскихъ гражданскихъ законовъ, а исполненія обрядовъ суевѣрія предоставить ихъ собственной волѣ.

ство и силу, какой она не имѣетъ ни въ Тибетѣ, ни въ Монголіи; ибо тамъ каждый дацанъ имѣетъ свое отдѣльное, независимое существованіе, подъ вѣдѣніемъ одного своего хэшана (ширетуя). А вслѣдствіе такого объединенія, всѣ дацаны, а за ними и простые буряты живутъ одною жизнію, поддерживая другъ друга въ общемъ лжевѣріи и дружно преслѣдуя всякаго, измѣняющаго ему для истины христіанской. Хамба, съ своей стороны, часто отправляетъ ко всѣмъ бурятамъ-ламайцамъ окружныя посланія, или словесно распространяетъ такіе слухи, которые, держа народъ въ суевѣріи, враждебно относятся къ христіанству. Случалось, что, по примѣру православныхъ архіереевъ, онъ объѣзжалъ все населеніе бурятское, для обозрѣнія дацановъ и одушевленія и утвержденія народа въ ламскомъ суевѣріи. Далѣе, поставивши хамбо-ламу съ непосредственнымъ подчиненіемъ генералъ-губернатору восточной Сибири, правительство поручило ему и наблюденіе за исполненіемъ «положенія о ламайскомъ духовенствѣ», а чрезъ то освободило все ламство отъ надлежащаго правительственнаго надзора и дало ему свободу ко всѣмъ злоупотребленіямъ, первый примѣръ въ коихъ подаютъ сами хамбо-ламы. Наконецъ, простые буряты, сравнивая хамбо-ламу съ православными русскими архіереями, видятъ въ этомъ достоинство своей вѣры, ничѣмъ, по ихъ мнѣнію, не худшей христіанской.

Разсуждая объ ургинскомъ хутухтѣ и отличіи его отъ хамбо-ламы, я склонилъ разговоръ и на выходящихъ изъ Монголіи хутухтъ и хубилгановъ. Хамбо-лама, давно извѣстный холодностію къ своей вѣрѣ, безъ затрудненія отвѣчалъ, что онъ не знаетъ всѣхъ обманщиковъ, выходящихъ изъ Монголіи. Я просилъ его убѣдить бурятъ, чтобы и они не вѣрили инымъ хутухтамъ и хубилганамъ. Впрочемъ я слышалъ, что и вообще русскіе ламы не совсѣмъ благопріятно смот-

рять на ламъ, выходящихъ изъ Монголіи, потому что простые буряты слишкомъ почитаютъ выходцевъ, въ ущербъ доходамъ и уваженію русскихъ ламъ.

Въ разсужденіяхъ о вѣрѣ, хамбо-лама, какъ за каменною стѣною, стоялъ за «положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ». Ламская вѣра, говорилъ онъ, утверждена Государемъ, чрезъ учрежденіе штатовъ для ламайскаго духовенства. На мое возраженіе, что штаты учреждены для ограниченія числа ламъ и что желаніе Государя Императора, — чтобы всѣ они исповѣдали туже вѣру, какую исповѣдуетъ Онъ Самъ, выразилось въ назначеніи меня содѣйствовать ихъ просвѣщенію христіанскою Вѣрою, хамба отвѣчалъ, что онъ объ этомъ не получалъ никакихъ предписаній, а знаетъ только, что ламская вѣра утверждена закономъ. Когда я сталъ разбирать самое содержаніе ламской вѣры, представитель ея ни мало не затруднялся отрицаться отъ всего, что ни опровергалъ я, не исключая и самой горы сумэру (сумаръ, сумберъ), — буддійскаго олимпа. «Это все, говорилъ онъ, для простаго народа». Впрочемъ, когда пошла такая откровенная бесѣда, онъ нашелъ нужнымъ, чтобы не соблазнить меньшей братіи, выслать всѣхъ изъ кумирни, оставивши при себѣ не болѣе пяти человѣкъ изъ старшихъ ламъ, и хотя я убѣдительно просилъ его оставить и другихъ, онъ не отмѣнилъ своего распоряженія.

Убѣжденія самаго хамбо-ламы, кажется, не подлежатъ сомнѣнію. Однажды предложенъ былъ ему вопросъ, почему ламы большую часть своихъ религіозныхъ книгъ не переведутъ съ тибетскаго языка и довольствуются безсмысленнымъ чтеніемъ ихъ въ кумирнѣ? Ванчиковъ, тогда еще ширетуй, съ улыбкою отвѣчалъ: — «чтобы не всѣ знали, что въ нихъ однѣ сказки». Въ другой разъ на предложеніе принять христіанство, хамба отвѣчалъ: «какая же отъ того будетъ польза?

никого я съ собою не обращу къ христіанству и только самъ затеряюсь». Дѣйствительно, по мірскому разсужденію, съ принятіемъ христіанства, онъ весьма много потеряетъ, если не будетъ сдѣлано для него исключенія. Теперь онъ, по закону, на свое лице получаетъ 500 десятинъ земли и десятую часть доходовъ отъ всѣхъ тридцати четырехъ дацановъ, и чуть не равняетъ себя съ православными архіереями, а тогда онъ будетъ простымъ казакомъ или ясачнымъ, съ подчиненіемъ всѣмъ повинностямъ податныхъ сословій.

Въ кельѣ хамбо-ламы, куда онъ пригласилъ меня пить чай, я обратилъ вниманіе на медали, которыми украшены были нѣкоторые ламы. «За что получили вы эту награду?» спросилъ я ламу Дамбаева. «По представленію хамбо-ламы, *за твердость въ вѣрѣ*», отвѣчалъ лама. Самъ хамбо-лама, не смотря на разсудительность свою, не утерпѣлъ, чтобы не показать предо мною всей важности своего сана. Замѣтивши на груди моей слишкомъ скромное изображеніе Спасителя, онъ выставилъ изъ-за пазухи большой серебряный медальонъ съ изображеніемъ бурхана, и чтобы дать мнѣ замѣтить это, счелъ нужнымъ обратить собственное вниманіе на изображеніе моего Бога. А предъ миссіонеромъ послѣ онъ высказался еще наивнѣе, или вѣрнѣе, насмѣшливѣе. Взглянувши на свою золотую медаль и потомъ указавъ на бронзовый крестъ миссіонера, онъ съ улыбкою произнесъ: —«желѣзный»!

Но пора оставить ламъ съ ихъ богатствомъ, гордостію, деспотизмомъ и разгуломъ мірской жизни. Видѣлъ я и отрадныя явленія въ первомъ моемъ миссіонерскомъ путешествіи. Въ двадцати верстахъ отъ гусиноозерскаго дацана, мѣстопребыванія хамбо-ламы, и въ сорока отъ г. Селенгинска, находится степная Дума, средоточіе управленія двадцати родовъ селенгинскихъ бурятъ. Здѣсь въ средоточіи селенгинскаго инородческаго вѣдомства, нашелъ я хотя юную и

малую числомъ, но твердую вѣрою церковь, которая давно уже ждала моего пріѣзда, какъ праздника для своего маленькаго общества въ глуши бурятскихъ степей. Новые христіане встрѣтили меня въ своей маленькой, вновь строющейся, церкви, только что конченной вчернѣ къ моему пріѣзду. Не безъ сердечнаго умиленія смотрѣлъ я на этихъ первенцовъ въ вѣрѣ среди мрака лжевѣрія, и сердце мое невольно твердило слова Господа къ юной апостольской Церкви: *не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство* (Лук. 12, 32). Во главѣ этой маленькой христіанской общины стоялъ самъ главный тайша селенгинскихъ инородцевъ, Дмитрій Петровичъ Минѣевъ, съ своими братьями, принявшими христіанство вмѣстѣ съ покойнымъ отцемъ своимъ, Петромъ Минѣевымъ. Судьба маленькаго храма, составляющаго предметъ утѣшенія и заботъ малой христіанской общины, также достойна того, чтобы быть извѣстною. Начало ей положилъ помощникъ тайши, *язычникъ* Найданъ Гомбоевъ, не изъ усердія къ христіанской Вѣрѣ и не изъ сочувствія къ скудости средствъ къ построенію церкви у самихъ христіанъ, а изъ видовъ честолюбія, — чтобы показать примѣръ благородства — безъ вѣры и, главное, заслужить какой нибудь знакъ отличія, до которыхъ буряты страстные охотники. Ему дано было *дозволеніе* устроить церковь во имя св. Николая чудотворца, котораго чтутъ и некрещенные буряты, а въ пособіе выдана *сборная книга*. Деньги собирались, церковь по маленьку строилась, а христіане отстранялись отъ участія. Наконецъ, въ настоящемъ же году, миссіонеръ донесъ епархіальному начальству что строитель церкви Найданъ Гомбоевъ ушелъ въ Монголію, бросивши постройку церкви безъ всякаго отчета. Теперь строительство перешло къ тайшѣ, который и принялся за него со всѣмъ усердіемъ истиннаго христіанина. Но недоста-

токъ средствъ крайне затрудняетъ строителя. Я обѣщался, по возможности, помогать ему, потому что при этой церкви, въ средоточіи бурятскаго населенія, предполагается устроить станъ или маленькій монастырь для монашествующей братіи миссіонеровъ. 14-го сентября въ степную Думу нарочно пріѣзжалъ миссіонеръ для освященія и поднятія креста на новую миссіонерскую церковь, и — Дмитрій Петровичъ не преминулъ, хотя чрезъ письмо, подѣлиться со мною своею радостію по этому случаю. «Какъ пріятенъ былъ этотъ день намъ, ничтожнымъ братіямъ», писалъ онъ мнѣ: «и теперь мы не нарадуемся, глядя на святой крестъ на нашей церкви»! Одно только нѣсколько омрачило торжество нашихъ добрыхъ христіанъ, — это обманъ сосѣда хамбо-ламы Чойрупа Ванчикова. Давши обѣщаніе пріѣхать на праздникъ, онъ не только самъ не сдержалъ своего слова, но и другихъ бурятъ отвлекъ отъ русскаго праздника, нарочно составивши у себя въ дацанѣ въ этотъ самый день, по словамъ Дмитрія Петровича, «какое-то новое, доселѣ небывалое, молебствіе. Видно, прибавляетъ онъ къ этому извѣстію, нашимъ язычникамъ не пріятно было поставленіе креста Господня»!

Посѣщеніемъ селенгинской степной Думы окончилось мое путешествіе. Включая въ эту поѣздку и обратное возвращеніе тѣмъ же путемъ, всего я проѣхалъ на этотъ разъ болѣе полуторы тысячи верстъ. И на всемъ этомъ пространствѣ находится *одинъ* миссіонеръ, который въ тоже время занимаетъ должность бригаднаго священника и законоучителя въ бригадной школѣ. Что можетъ сдѣлать среди языческаго населенія, простирающагося свыше тридцати тысячъ, одинъ человѣкъ, и притомъ занятый еще другими обязанностями? Онъ ѣздилъ разъ или два въ годъ по бурятскимъ улусамъ — и то не по всему краю. И можно ли было, послѣ этого, требовать отъ него успѣшной дѣятельности? Чтобы

обратить иновѣрца, нужно перевоспитать его, а для этого нужно постоянно быть при немъ, а не пріѣзжать къ нему разъ въ годъ, чтобы потомъ забыть о немъ. Нужны средства и средства, а еще болѣе — люди и люди. *Жатва многа, дѣлателей же мало:* будемъ молиться *господину жатвы, да изведетъ достойныхъ дѣлателей на жатву* свою (Матѳ. 9, 36).

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Послѣ долгаго молчанія снова принимаюсь писать вамъ о нашей миссіи за Байкаломъ. Но теперь позвольте отступить отъ прежняго хронологическаго порядка. Повтореніе на каждомъ шагу однѣхъ и тѣхъ же явленій, о которыхъ я уже писалъ прежде, и частію самыя поѣздки по тѣмъ же мѣстамъ о которыхъ вы уже имѣете понятіе, заставляютъ меня на этотъ разъ ограничиться статистическимъ обзоромъ инородческаго населенія Забайкальскаго края, различнымъ отношеніемъ его, въ разныхъ мѣстностяхъ, къ христіанству, — тѣмъ, что сдѣлано среди здѣшнихъ язычниковъ прежде христіанскою проповѣдію, что дѣлается теперь и что нужно было бы при помощи Божіей предпринять на будущее время.

Инородцы за Байкаломъ занимаютъ болѣе двухъ третей всего пространства края. Язычниковъ между ними около ста двадцати тысячъ.

По народностямъ раздѣляются они на Монголовъ — Бурятъ и Дауровъ — Тунгусовъ. По вѣроисповѣданію тѣ и другіе раздѣляются на ламайцевъ (буддистовъ) и шаманцевъ (черной вѣры), такъ впрочемъ, что Бурятъ больше ламайцевъ, а Тунгусовъ — шаманцевъ.

По управленію, согласно племенному раздѣленію, Забайкальскіе буряты дѣлятся на шесть вѣдомствъ, управляемыхъ степными Думами, Селенгинское, Хоринское, Агинское, Баргузинское, Кударинское и Закаменское. Большинство Тунгусовъ принадлежитъ Князю Гантимурову, вѣдомства Урульгинской степной Думы. Къ отдѣльнымъ инороднымъ управамъ

принадлежатъ Тунгусы Армацкіе и Тунгусы — мурчены (конные) Баргузинскіе; наконецъ управляемые одними старшинами бродячіе Тунгусы — орочены (оленные).

Селенгинскіе Буряты живутъ по р. р. Селенгѣ, Чикою, по лѣвую (южную) сторону Хилка, по Джидѣ, Темнику и Убукуну. Въ длину кочевка ихъ простирается отъ рѣки Армака (въ 150 верстахъ отъ Кяхты, на западъ) до Яблоноваго хребта, — на разстояніи болѣе четырехъ сотъ верстъ, а въ ширину отъ границъ Монголіи до Верхнеудинска, — на разстояніи двухъ сотъ пятидесяти верстъ. — Селенгинское вѣдомство составляютъ восемнадцать бурятскихъ родовъ, въ которыхъ считается до двадцати пяти тысячъ душъ обоего пола. Къ этому же вѣдомству принадлежали буряты, вошедшіе въ составъ первой и третьей конной бригады казачьяго Забайкальскаго войска, въ числѣ двадцати тысячъ душъ обоего пола. Всѣ Селенгинскіе Буряты ламайскаго суевѣрія.

Селенгинскіе буряты говорятъ чистымъ монгольскимъ языкомъ, употребляемымъ заграничными монголами — халкасами прежняго ургинскаго ханства, и очевидно до присоединенія къ Россіи составляли часть этого ханства. Нѣкоторые роды (напримѣръ Цонгольскій, Сортольскій и др.) Селенгинскихъ бурятъ перешли въ предѣлы Россіи (1681 г.) послѣ завоеванія Забайкалья и поселились тутъ въ ближайшихъ къ границѣ мѣстностяхъ.

Вскорѣ послѣ перехода ихъ въ Россію, началось и распространеніе между ними христіанства. Въ 1681 году прибыла изъ Москвы за Байкалъ первая христіанская миссія, основавшая здѣсь монастыри Селенгинскій Троицкій и Посольскій Преображенскій. Въ началѣ слѣдующаго (XVIII) столѣтія второй настоятель Забайкальской миссіи, игуменъ Мисаилъ доносилъ Тобольскому и Сибирскому Митрополиту, что миссіею *много окрещено Мунгаловъ*, какъ тогда назы-

вались нынѣшніе буряты. Въ двадцатыхъ годахъ тогоже столѣтія проповѣдывалъ Евангеліе Селенгинскимъ мунгаламъ первый Иркутскій Святитель Иннокентій, подвизавшійся въ Селенгинскѣ около двухъ лѣтъ. Селенгинскъ въ то время былъ пограничною русскою крѣпостію. Вскорѣ за тѣмъ чрезвычайный посланникъ Савва Владиславичь Рагузинскій основалъ на р. Бурѣ Троицкосавскую крѣпость съ торговою слободой Кяхтою. Троицкосавская церковь приписана къ миссіонерскому Посольскому монастырю, изъ котораго Іеромонахи поочередно жили въ новой крѣпости для священнослуженія и, безъ сомнѣнія, для Евангельской проповѣди между иновѣрцами. Самъ Владиславичь, по видимому, покровительствовалъ христіанскому просвѣщенію мунгаловъ: доселѣ за Байкаломъ существуетъ фамилія Рагузинскихъ (казаки), предокъ которыхъ воспринятъ былъ графомъ отъ купѣли крещенія. — Вообще же торжество христіанства надъ язычествомъ, мало извѣстное исторически, очевидно изображается въ физіономіяхъ многихъ русскихъ за Байкаломъ, доселѣ сохранившихъ черты своего мунгальскаго происхожденія. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія нѣсколько тысячь христіанъ—инородцевъ отчислено изъ Селенгинскаго вѣдомства въ осѣдлые ясачные инородцы съ учрежденіемъ для нихъ особой инородной управы, не подвѣдомой Селенгинской Степной Думѣ. Но и теперь въ вѣдомствѣ Селенгинской Степной Думы находится до шести сотъ душъ христіанъ, пишущихся кочевыми, но также ведущихъ осѣдлую жизнь. Въ первой и третьей конной бригадѣ Забайкальскаго казачьяго войска христіанъ изъ Бурятъ свыше семи сотъ душъ обоего пола.

Хоринскіе Буряты кочуютъ по стѣпи, простирающейся на пять сотъ верстъ въ длину (отъ Селенгинска до Читы) и отъ двухъ до трехъ сотъ верстъ въ ширину. Къ югу Хорин-

ская степь ограничивается теченіемъ Хилка, къ сѣверу горными хребтами, отдѣляющими Верхнеудинскій округъ отъ Баргузинскаго, къ Западу теченіемъ Селенги, а къ Востоку Яблоновымъ хребтомъ. Хоринское вѣдомство самое обширное изъ всѣхъ инородческихъ вѣдомствъ, какъ по пространству занимаемой ими степи, такъ и по числу жителей. На хоринской степи кочуютъ до сорока тысячъ душъ обоего пола, раздѣляющихся на восемьдесятъ родовъ.

Хоринскіе Буряты, по ихъ преданію перешли въ нашъ Забайкальскій край изъ Монголіи въ 1604 году, когда здѣсь не было еще извѣстно и самое имя русскихъ. Но нарѣчіе ихъ значительно разнится отъ чистаго Монгольскаго и Селенгинскаго Бурятскаго. Ламское суевѣріе между Хоринскими Бурятами распространилось позже, чѣмъ между Селенгинскими, но теперь также утвердилось повсюду, какъ и у Селенгинскихъ Бурятъ. Хоринскіе Буряты отличаются отъ Селенгинскихъ большею дикостію и слишкомъ малымъ знакомствомъ съ русскимъ языкомъ. Отъ того и Христіанство стало распространяться между ними позже и медленнѣе. Миссіонерскіе станы въ Селенгинскомъ и Посольскомъ монастыряхъ были далеко отъ нихъ, и потому крестились изъ нихъ только тѣ, которые ближе были къ русскимъ. Больше всего крестились Хоринцы, живущіе по Тугнуйской степи, гдѣ по сосѣдству съ христіанскими селеніями они скорѣе могли познакомиться и съ русскимъ языкомъ и съ христіанскою вѣрою. Нѣкоторая часть изъ нихъ составила вѣдомство Курбинской управы осѣдлыхъ инородцевъ. Всѣхъ же христіанъ—инородцевъ въ вѣдомствѣ Хоринской Степной Думы находится до двухъ тысячъ душъ обоего пола.

По ту сторону Яблонова хребта верстъ на сто къ югу отъ Читы кочуютъ Буряты Агинскаго вѣдомства. Кочевья ихъ по рѣкѣ Онону съ впадающими въ него малыми рѣчьками

простираются верстъ на триста въ длину и на сто слишкомъ въ ширину, примыкая къ южной границѣ нашей съ Китаемъ. Всѣхъ Бурятъ, подвѣдомыхъ Агинской Степной Думѣ, около двадцати пяти тысячь душъ обоего пола и всѣ они безъ исключенія ведутъ кочевую жизнь въ войлочныхъ юртахъ. Агинскіе Буряты держатся также ламскаго суевѣрія, то есть между ними и досслѣ нѣсколько семействъ, держащихся еще прежняго суевѣрія Бурятъ—шаманства. Языкъ ихъ сходенъ съ Хоринскимъ, а знающихъ русскій языкъ еще менѣе, чѣмъ между Хоринскими Бурятами. Отъ того и христіанъ между ними меньше, нежели между послѣдними, крещенныхъ между ними нѣтъ и четырехъ сотъ душъ обоего пола. Всѣ они, исключая немногихъ единицъ, недавно крестившихся, ведутъ осѣдлую жизнь, составивши свое селеніе около степной Думы.

Четвертое вѣдомство Бурятъ—ламайцевъ, управляемое особою Степною Думою, кочуетъ на Баргузинской степи, составляющей долину по теченію рѣки Баргузина, до двухъ сотъ верстъ длины и отъ двадцати до тридцати ширины. Всѣхъ Бурятъ, кочующихъ здѣсь простирается до девяти тысячь душъ обоего пола. Баргузинскіе Буряты по языку болѣе сходятся съ Иркутскими Бурятами, чѣмъ съ Забайкальскими. Монгольскій языкъ Селенгинскихъ Бурятъ они съ трудомъ понимаютъ. Живя вдали отъ другихъ Бурятъ, отъ которыхъ отдѣляютъ ихъ непроходимые горные хребты, они больше всѣхъ сохраняли прежнее свое шаманское суевѣріе и только въ недавнее время окончательно сдѣлались ламайцами. Ведутъ всѣ, исключая тайши и христіанъ, кочевую жизнь и съ упорствомъ отстаиваютъ свой полудикій бытъ. Христіанъ между ними всего до шестидесяти душъ обоего пола; живутъ по разнымъ селеніямъ.

Однородные съ Баргузинскими Бурятами по языку Буряты

Кударинскіе кочуютъ въ окрестностяхъ Посольскаго Монастыря по юговосточному берегу Байкала и по р. Селенгѣ при впаденіи ея въ Байкалъ. — Кударинскихъ Бурятъ въ настоящее время считаютъ до четырехъ съ половиною тысячь душъ обоего пола и всѣ они, исключая одного семейства, держатся шаманскаго суевѣрія. Отъ вліянія ламства сохраняютъ ихъ съ одной стороны непроходимые хребты горъ, а съ другой густое русское населеніе. Притомъ нынѣшніе Кударинскіе Буряты большею частію недавніе выходцы съ той стороны Байкала изъ Иркутской Губерніи, преимущественно изъ Верхоленскаго округа и съ Острова Ольхона, а Иркутскихъ Бурятъ вообще больше шаманцевъ, чѣмъ ламайцевъ, да и изъ послѣднихъ немногіе еще совсѣмъ оставили прежнее шаманское суевѣріе. — Прежде обитавшіе здѣсь буряты, очевидно, изчезали постоянно въ русскомъ населеніи, въ которое они переходили съ принятіемъ Христіанства. Между здѣшними жителями доселѣ сохраняется преданіе о смѣшенномъ происхожденіи ихъ. Первые Забайкальскіе миссіонеры встрѣтили здѣсь многихъ русскихъ гулящихъ людей, живущихъ нечисто съ некрещенными мунгальскими женками, и первымъ долгомъ почли окрестить некрещеныхъ и соединить съ русскими законнымъ бракомъ. Селенгинскій и Посольскій монастыри пріучали такихъ людей, какъ и вообще крещенныхъ мунгаловъ, къ осѣдлой жизни, поселяя ихъ на своихъ обширныхъ земляхъ съ обязанностію пахать для монастыря одну десятину (отъ чего вѣроятно они и получали названіе пашенныхъ монастырскихъ крестьянъ), и съ правомъ для себя, *сколько мочь будетъ*. Съ отнятіемъ у обоихъ Монастырей земель при учрежденіи штатовъ колонизація новокрещенныхъ по необходимости должна была ослабнуть: однакоже и послѣ того крещенные не переставали переходить въ общество какъ экономическихъ (прежнихъ монастырскихъ

такъ и сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ. Предъ моимъ прибытіемъ сюда въ вѣдѣніи самой Кударинской Степной Думы находилось христіанъ до полутора ста душъ обоего пола. Всѣ почти Кударинскіе Буряты, по близости къ русскимъ, болѣе или менѣе понимаютъ по русски и по недостатку земли постоянно живутъ на однихъ мѣстахъ въ деревянныхъ юртахъ, занимаясь преимущественно хлѣбопашествомъ.

Послѣднее Бурятское вѣдомство за Байкаломъ называется Закаменскимъ, потому что отдѣлено отъ другихъ вѣдомствъ хребтами Байкальскихъ горъ, (на западъ отъ Кяхты), среди которыхъ Закаменскіе Буряты ведутъ болѣе бродячую, чѣмъ кочевую жизнь. Главное занятіе ихъ звѣриный промыселъ въ хребтахъ, ими обитаемыхъ. Живя вдали отъ русскихъ они лишены всякаго образующаго вліянія. Ламы успѣли овладѣть ихъ умами; но и шаманы не лишились еще прежняго благоговѣнія. Христіанская проповѣдь никогда не проникала въ ихъ ущелія и потому объ отношеніи ихъ къ христіанству въ настоящее время сказать ничего нельзя. Въ прошлое лѣто, когда я былъ въ томъ краю, являлся ко мнѣ одинъ бурятъ этого вѣдомства расположенный къ христіанству, но онъ просилъ по крещеніи перевести его въ русское общество, а этого сдѣлать было невозможно, потому что вблизи этого вѣдомства находятся только казачьи пограничные караулы. Впрочемъ благодать Божія и здѣсь положила первыя сѣмена христіанства: двадцать душъ обоего пола и здѣсь исповѣдуютъ Святую вѣру; но какъ осѣдлости въ этомъ вѣдомствѣ не положено и начала, то и они пока бродятъ на ряду съ прочими Бурятами. Всѣхъ инородцевъ въ Закаменскомъ вѣдомствѣ пять тысячь душъ обоего пола.

Самое обширное Тунгуское вѣдомство — Князя Гантимурова, Урульгинской Степной Думы. Фамилія Князей Ганти-

муровыхъ, наслѣдственно управляющая урульгинскимъ вѣдомствомъ, ведетъ начало свое изъ Манчжуріи. Родоначальникъ ихъ, природный манчжуръ, посланный въ 1667 году съ Китайскимъ войскомъ, чтобы препятствовать русскимъ селиться на Амурѣ, почелъ за лучшее перейти на сторону русскихъ и, недавши сраженія, объявилъ желаніе принять русское подданство вмѣстѣ съ Тунгусами Лугамецкаго рода. Китайское правительство настойчиво требовало выдачи Князя, но Нерчинскій трактатъ 1689 года положилъ конецъ его домогательствамъ. Впрочемъ въ вѣдомство Князя Гантимурова кромѣ Тунгусовъ, которыхъ считается двѣнадцать родовъ, вошли сверхъ того четыре рода настоящихъ Монголовъ, кочующихъ по р. Онону на Китайской границѣ. Къ одному изъ нихъ удзонскому принадлежитъ потомство самаго Чинчинсхана,—богатыря—чудотворца нашихъ и заграничныхъ Монголовъ. Сверхъ того въ прежнее время въ это вѣдомство переходили нерѣдко и Агинскіе Буряты по принятіи Христіанства,—гдѣ они при Князѣ—христіанинѣ надѣялись быть безопасными отъ притѣсненій, какія встрѣчали въ своемъ вѣдомствѣ. Князья Гантимуровы давно приняли Христіанство; отъ того и въ вѣдомствѣ ихъ больше Христіанъ (9480 душъ обоего пола), чѣмъ язычниковъ (5 789 душъ обоего пола). Самые упорные въ язычествѣ—Монголы, измѣнившіе шаманское суевѣріе на Ламское. Прочіе тунгусы, держащіеся еще шаманства,—колеблются между христіанствомъ и ламайствомъ, потому легко переходятъ то на десно то на шуее. Принимающіе Христіанство дѣлаются русскими, а склоняющіеся къ Ламству монголами или Бурятами. Вѣдомство Князя Гантимурова все расположено за Яблоновымъ хребтомъ въ прежней Дауріи, но не имѣетъ особеннаго удѣла, сосредоточеннаго въ одномъ мѣстѣ, а разсѣяно по разнымъ мѣстамъ между русскими и Бурятами; впрочемъ за-

мѣтною полосой тянется съ сѣверовостока на югозападъ. Но смотря на физіономіи самихъ русскихъ, населяющихъ Нерчинскій Округъ, можно догадываться, что очень значительная часть ихъ Тунгусскаго происхожденія, только съ принятіемъ Христіанства измѣнившаяся въ русскихъ. Нѣкоторые изъ Духовныхъ лицъ доселѣ помнятъ о своемъ тунгусскомъ происхожденіи и имѣютъ родныхъ между Тунгусами. Много тунгусовъ обращено было къ Христіанству трудами Протоіерея Кирилла Суханова и священника Василія Березина, (въ послѣдствіи болѣе извѣстнаго подъ именемъ Вонифатія Архимандрита Иркутскаго Вознесенскаго монастыря). [1])

Отдѣльно отъ вѣдомства Князя Гантимурова за Байкаломъ существуютъ еще два небольшія Тунгусскія вѣдомства Арматской инородной управы и Баргузинской управы. — Первое кочуетъ въ Верхнеудинскомъ Округѣ по р. Армаку между Селенгинскимъ и Закаменскимъ Бурятскимъ вѣдомствомъ, не подалеку отъ Китайской границы. Заброшенные въ такую даль отъ другихъ Тунгусскихъ племенъ Забайкалья (если только не составляютъ они отрывка тунгусскихъ родовъ, кочующихъ за близъ лежащею границей, въ Монголіи), Арматскіе Тунгусы при своей малочисленности совсѣмъ потеряли свой языкъ и свою національность. Тѣ, которые успѣли принять Христіанство, сдѣлались русскими, а принявшіе Ламайство превратились въ Бурятъ. Всѣхъ Тунгусовъ на Армакѣ съ небольшимъ тысяча душъ обоего пола, христіанъ между ними около трети. — Послѣдніе ведутъ осѣдлую жизнь около своей инородной управы. Начало осѣдлаго водворенія ихъ здѣсь восходитъ не ранѣе 1826 года.

---

[1]) Ими основано не далеко отъ Нерчинскаго уѣзда селеніе, названное Сухановскимъ, въ которомъ они осѣдло водворяли крещенныхъ ими Тунгусовъ.

Тунгусское вѣдомство Баргузинской инородной управы еще меньше Армацкой (съ небольшимъ четыреста душъ обоего пола); но здѣшніе Тунгусы сохранили свой языкъ и прежнее шаманское суевѣріе. Христіанъ между ними также около трети и всѣ почти ведутъ осѣдлую жизнь.—Тунгусы Баргузинской управы извѣстны подъ именемъ Мурченовъ, т. е. конныхъ, въ отличіе отъ Тунгусовъ—Ороченовъ, т. е. оленныхъ. Орочены находятся на послѣдней ступени гражданскаго образованія, составляя особый разрядъ бродячихъ инородцевъ. Живутъ они въ неприступныхъ горныхъ хребтахъ на сѣверовостокъ отъ Баргузина и, не заботясь о утріи, питаются тѣмъ, что случится пріобрѣсти отъ звѣриной или рыбной ловли; если ловъ неудаченъ, то по два и по три дня сидятъ безъ пищи. Рыбная ловля въ Верхнеангарскѣ и открытіе золотыхъ промысловъ по р. Витиму стали сближать и ихъ съ русскимъ языкомъ и Христіанскою вѣрою; но полудикое состояніе въ гражданскомъ отношеніи и затрудненія къ выходу изъ него, полагаемыя самою дикою мѣстностію, много препятствуютъ надлежащему укорененію въ нихъ истинъ Христіанской вѣры.

20 Января 1864 г. Посольскій монастырь на Байкалѣ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Изъ обзора инородческихъ вѣдомствъ за Байкаломъ, сдѣланнаго мною въ предыдущемъ письмѣ, вы могли замѣтить, что христіанство особенно распространялось тамъ, куда не проникло еще ламское суевѣріе и гдѣ при христіанскомъ начальствѣ не было препятствій со стороны язычниковъ.

Объ ошибочныхъ отношеніяхъ Правительства къ ламской сектѣ я писалъ вамъ еще прежде [1]). На мѣстѣ ошибка скоро была замѣчена и уже въ 1860 г. предполагалось сдѣлать перемѣну въ положеніи о ламайскомъ духовенствѣ; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ предположеніе осталось безъ исполненія. Дѣло впрочемъ совсѣмъ не оставлено: ожидалось уясненіе его отъ времени. Теперь снова поднятъ вопросъ, и, Богъ дастъ, не останется безъ рѣшительнаго отвѣта. Пользуясь настоящимъ случаемъ, считаю долгомъ съ своей стороны сказать что нибудь въ уясненіе столь важнаго предмета.

По отношенію ко всѣмъ языческимъ суевѣріямъ, въ русскомъ законодательствѣ существуетъ то основное правило: —не преслѣдуя ихъ по христіанской вѣротерпимости, не мѣшаться въ тоже время во внутреннія дѣла суевѣрія ни стѣснительно, ни тѣмъ болѣе покровительственно. Только ламское суевѣріе почему-то съ давнихъ поръ (съ 1764 года) составляло въ этомъ отношеніи изключеніе. Назначеніе штатовъ, опредѣленіе должностныхъ лицъ въ жреческомъ

[1]) См. второе и третье письмо.

сословіи и т. п. давно пріучили ламъ смотрѣть на свое суевѣріе, какъ на предметъ особенной заботливости Правительства. Разъ переступивши предѣлы простой вѣротерпимости, легко было перейти и къ прямому покровительству. Были годы, въ которые выходили открытыя предписанія въ пользу ламской пропаганды. Въ Степное уложеніе (Кудугэны-токмолъ), составленное въ 1823 г. по порученію Начальства выборными Селенгинскихъ бурятъ и доселѣ имѣющее у бурятъ полную силу, введены статьи, прямо предписывающія преслѣдованіе шаманскаго суевѣрія въ пользу ламскаго (ст. 84 и 85). Вслѣдствіе этого остававшихся еще между инородцами шаманцевъ преслѣдовали всѣми мѣрами. Почитая себя уполномоченными отъ Правительства, ламы повсюду жгли шаманскія чтилища, а самихъ шамановъ заставили бѣжать въ лѣса и горы. «Само христіанство ощутило тяготу ихъ вліянія. Изъ язычниковъ никто почти не рѣшался принимать св. крещеніе, боясь ламскаго прещенія. Да и тѣ изъ нихъ, которые прежде крещены были, не имѣли покоя. Ихъ гнали, тяготили всѣми мѣрами. И потому семейства новокрещенныхъ представляли странное и грустное смѣшеніе. Дѣти росли идолопоклонниками, имѣвши родителей христіанъ. Отцы и матери бывши христіанами таили свою вѣру и выдавали себя за язычниковъ, чтобы только не попасть въ когти ламаевъ [1].» О томъ, что дѣлалось ламами въ ближайшее къ намъ время, вотъ что писалъ Г. командированный въ 1860 г. для ревизіи Селенгинской Степной Думы и присутствія при избраніи хамбо-ламы: «видя вниманіе къ себѣ со стороны Правительства, ламы должны были ясно понять, что служба ихъ считается полезною для отечества и что они поль-

---

[1]) Буддизмъ Архіеп. Нила стр. 254.

зуются заслуженнымъ уваженіемъ не только отъ бурятъ, но и отъ русскихъ. Хамба сталъ поступать смѣлѣе: умножать число ламъ до излишества, строить кумирни, отправлять ламъ для сбора подаяній не только въ Забайкалье, но и по Иркутскому округу; даже самъ ѣздилъ всюду по бурятамъ, какъ Архіерей по епархіи; внушалъ бурятамъ, что они должны держаться одного ламайства, какъ закономъ назначенной для нихъ религіи, и не принимать христіанства, какъ религіи для нихъ чуждой; приказывалъ истреблять у бурятъ христіанскія книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, переведенныя на Монгольскій языкъ Шмидтомъ, а большею частію Англійскими миссіонерами, жившими въ Забайкальѣ; въ слѣдствіе чего и были сожжены всѣ Священныя книги, которыя розданы были имъ миссіонерами.» — Теперь до того утвердилась между ламаистами мысль о неприкосновенности ихъ вѣры, что они даже оффиціально рѣшаются заявлять, что шигмуніанская вѣра самимъ Государемъ *утверждена и защищена отъ иныхъ* (?) *вліяній*, и требуютъ принадлежности къ ней на основаніи законовъ не только отъ своихъ, но и отъ послѣдователей изчезающаго шаманства.

Но не столько это мнимое утвержденіе суевѣрія вредитъ христіанской проповѣди, сколько то, что ошибочными правительственными распоряженіями народъ отданъ въ порабощеніе ламамъ, сектѣ вредной и въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. По буддійскому ученію ламство есть аскетическая секта, не имѣющая никакихъ религіозныхъ отношеній къ народу, ведущему не аскетическую жизнь; но наше Правительство, какъ я писалъ уже прежде, ошибочно приняло ламъ за духовенство у бурятъ, среди которыхъ они явились; отъ того бурятъ раздѣлили на приходы и приписали къ разнымъ ламскимъ дацанамъ (монастырямъ), а для

ламъ назначили штаты, уравнявшіе ихъ, въ ихъ глазахъ, съ христіанскимъ духовенствомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что не смотря на обезпеченіе ламъ и капищъ отъ правительства (на что принесли свою лепту и бѣдные христіане-инородцы), ламскіе поборы отъ того не только не уменьшились, но еще больше увеличились, получивши законное подтвержденіе. Кромѣ частныхъ сборовъ за гурумы, на капища стали дѣлаться поборы по раскладкѣ на общества, и отъ этихъ поборовъ несвободны и христіане, если тайша и другія власти язычники. Вообще ламы до того овладѣли народомъ, что управляютъ имъ, какъ господа или повелители. Въ глазахъ народа они уже не простые аскеты или жрецы, а поставленные отъ правительства чиновники; потому требуютъ повиновенія себѣ и въ дѣлахъ вѣры и въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ законнаго долга, именемъ правительства. Выведенные изъ подчиненія Степнымъ Думамъ и поставленные въ непосредственныя сношенія съ высшимъ начальствомъ, ламы для поддержанія своего суевѣрія постоянно распускаютъ въ народѣ слухи о полученныхъ будто ими указахъ съ предписаніемъ запрещать бурятамъ принимать христіанскую вѣру и т. под. Впрочемъ народъ видимо тяготится настоящимъ отношеніемъ къ нему ламъ и терпитъ такой порядокъ потому только, что чувствуетъ себя неимѣющимъ на столько силы, чтобы освободиться отъ своего порабощенія.—Поелику народъ поставленъ въ такое положеніе ошибочными правительственными мѣрами: то самому же правительству надлежитъ вывести народъ изъ него, возвративши ламъ въ то состояніе, въ какомъ они должны находиться по ученію своей секты, т. е. въ состояніи отшельниковъ, безвыходно живущихъ по своимъ дацанамъ. Всякое же вмѣшательство во внутреннія дѣла суевѣрія съ правительственною регламентаціею противно христіанской совѣ-

сти и несогласно съ достоинствомъ христіанскаго Правительства.

Освобожденіе отъ суевѣрія для инородца становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ невыгоднѣе положеніе самихъ христіанъ—инородцевъ въ своемъ обществѣ. Я писалъ уже вамъ, какимъ преслѣдованіямъ подвергаются они, и что самая бдительная полиція не можетъ защитить ихъ отъ ежедневныхъ преслѣдованій ихъ властей и простыхъ инородцевъ—язычниковъ. Основную причину гоненія, не смотря на индифферентизмъ, лежащій въ основѣ всякаго языческаго суевѣрія, объяснилъ давно самъ Господь: *будете ненавидими всѣми имене моего ради. Не пріидохъ бо воврещи миръ на землю, но мечь*. Я хочу сказать собственно о причинахъ невозможности защитить христіанъ отъ преслѣдованія язычниковъ въ ихъ настоящемъ положеніи. Христіане, какъ и всѣ инородцы, управляются на основаніи учрежденія о сибирскихъ инородцахъ; а учрежденіе это писано, во первыхъ, для язычниковъ со всею ихъ языческою обстановкою, во вторыхъ, писано съ цѣлію оградить ихъ отъ вліянія русскаго земскаго начальства, не оправдавшаго себя по ревизіи М. М. Сперанскаго. Отъ того по учрежденію о сибирскихъ инородцахъ инородческое вѣдомство въ христіанскомъ русскомъ государствѣ составляетъ какъ бы особое языческое государство, управляемое своими законами или обычаями; отъ того и христіане—инородцы, по закону находятся почти въ такомъ же положеніи въ своемъ обществѣ, въ какомъ христіане-китайцы—въ своемъ Китаѣ.

Это положеніе для нашихъ христіанъ-инородцевъ тѣмъ невыгоднѣе, что въ Китаѣ христіанинъ съ перемѣною вѣры не перемѣняетъ своей національности: у насъ всякой инородецъ, бурятъ и тунгусъ, съ принятіемъ христіанства дѣлается русскимъ не по вѣрѣ только, но и по языку и по всей

обстановкѣ обыденной русской жизни. Крещеный бурятъ или тунгусъ, какъ бы плохо не говорилъ по русски, старается непремѣнно говорить по русски, и почелъ бы тяжкимъ оскорбленіемъ, если бы назвали его бурятомъ или тунгусомъ, а не русскимъ [1]). Носить русскому т. е. крещеному, инородческую одежду, употреблять ихъ пищу и жить въ юртѣ, по мнѣнію самихъ язычниковъ, значитъ *поганиться*. Въ особенности юрта есть отличительный знакъ язычества; для язычника она есть храмъ, гдѣ каждый уголъ имѣетъ для него свое суевѣрное значеніе, а постоянно поддерживаемый въ ней огонь есть божество, которому онъ приноситъ жертву отъ всякаго куска пищи [2]). Есть буряты язычники, которые имѣютъ все надворное строеніе (амбары, сараи и под.), какъ слѣдуетъ осѣдлымъ, а сами живутъ въ юртѣ, или же имѣя русской домъ (зимовье), имѣютъ тутъ же на дворѣ и юрту. При этомъ въ русскую избу они никогда не поставятъ своихъ боговъ, но или поставятъ въ нее русскую икону, особенно святителя Николая, или оставятъ такъ, безъ всякой святыни. Отъ того какъ кочевая жизнь есть почти необходимый удѣлъ всякаго язычника, какъ бы онъ богатъ ни былъ, такъ осѣдлая жизнь есть почти необходимая принадлежность всякаго христіанина и постепенный переходъ крещенаго инородца къ осѣдлой русской жизни есть непремѣнный знакъ постепеннаго усвоенія имъ новой вѣры.

При такой противоположности въ гражданскомъ быту инородцевъ-христіанъ и язычниковъ, при законахъ, постановлявшихся исключительно для язычниковъ, съ цѣлію огра-

---

[1]) Единственное названіе, терпимое христіанами-инородцами, есть *карымъ* (отъ кара или хара—черный) т. е. черный русскій въ отличие отъ русскихъ бѣлыхъ.

[2]) Первоначальная религія бурятъ состояла въ почитаніи стихій; почитаніе огня есть остатокъ ихъ древней религіи.

дить кочевой быть ихъ, и при начальствѣ исключительно языческомъ, понятно, сколько можетъ быть столкновеній у христіанъ съ язычниками, по закону рѣдко для нихъ выгодныхъ. Если христіанинъ захочетъ жить осѣдло, завестись хлѣбопашествомъ, земли для этого онъ можетъ получить отъ общества или тайши только изъ снисхожденія, по милости; по закону она отведена подъ кочевья. Я знаю, какая страшная борьба шла у одного христіанина съ язычникомъ—тайшею изъ-за трехъ четвертей десятины земли, на которой первому хотѣлось построить домъ съ надворнымъ строеніемъ. Къ счастію карымъ былъ бойкій, въ сознаніи своей правоты, и настоялъ на своемъ. «Я, говорилъ онъ послѣ миссіонеру, готовъ былъ отвѣчать самому генералу, а не то, что его почтенію (тайшѣ)». Азіатское право сильнаго у нашихъ инородцевъ нетолько существуетъ на практикѣ, какъ злоупотребленіе, но утверждено самыми степными законами. Владѣніе землею условливается силою человѣка, и земли, разъ захваченныя сильными, переходятъ къ ихъ потомкамъ, какъ законное наслѣдіе; христіане со дня крещенія большею частію выходятъ изъ языческихъ семействъ, къ которымъ принадлежали и съ которыми пользовались землею. Какъ же имъ теперь получить земли? опять по милости язычника—тайши или языческаго общества: въ степныхъ законахъ они ничего не найдутъ въ свою пользу. Обыкновенно христіанъ селятъ около степныхъ думъ. «Мы велѣли имъ поселиться здѣсь, говорилъ мнѣ одинъ начальникъ—язычникъ, чтобы караулили Степную Думу, а то нѣкоторые поселились было въ русскихъ селахъ». А около Степной Думы земли давно принадлежатъ сильнымъ. Что же дѣлать поселеннымъ здѣсь христіанамъ? Молчать по неимѣнію закона въ свою защиту, или просить милости у сильныхъ. Въ прошломъ году хоринскіе христіане-инородцы рѣшились уже

искать защиты у высшаго областнаго начальства, въ надеждѣ на покровительство христіанскаго правительства.

Наконецъ, не смотря на значительную численность свою, не смотря на высшее въ сравненіи съ язычниками образованіе и высшій (осѣдлый) гражданскій бытъ, до послѣдняго времени, кромѣ вѣдомства князя Гантимурова, нигдѣ христіане не избирались въ должности, соединенныя съ какою бы то ни было властію. Образованіе пролагало имъ путь только въ должности писарей, для которой способныхъ между язычниками не находилось. Когда я христіанамъ армацкаго вѣдомства (гдѣ ихъ около трети въ сравненіи съ язычниками) предложилъ вопросъ, есть ли между ними начальники, напримѣръ, члены инородной управы, или шуленги и зайсаны, они съ удивленіемъ смотрѣли на меня и сами взаимно спрашивали меня, ужели и имъ можно быть начальниками. Хотя всѣ начальники у инородцевъ служатъ по выбору (наслѣдственный одинъ князь Гантимуровъ), на христіанъ никогда не падаетъ выбора, потому что большинство, т. е. язычники никогда не допускаютъ этого. Если язычникъ-начальникъ самъ приметъ христіанство, его стараются удалить отъ должности разными доносами и клеветами, или просто общественнымъ приговоромъ. Да и въ рѣдкихъ вѣдомствахъ христіане допускаются на общественные сугланы (сходки) для разсужденія по дѣламъ общественнымъ, потому что на нихъ смотрятъ, какъ на людей, чуждыхъ инородческому обществу, какъ на русскихъ. Прежде для христіанъ учреждались особыя управы осѣдлыхъ инородцевъ, или же перечисляли ихъ въ сосѣднія крестьянскія волости. Этою мѣрою ихъ конечно освобождали отъ притѣсненій язычниковъ, но въ тоже время, какъ будто въ наказаніе за принятіе христіанства и осѣдлую жизнь, лишали правъ и льготъ, Высочайше дарованныхъ инородцамъ (кромѣ рекрутской повинности) и облагали всѣми крестьян-

скими повинностями. Въ 1860 г. въ первый разъ избранъ былъ въ тайши (селенгинскіе) христіанинъ, потому что по ревизіи Степной Думы такъ много оказалось безпорядковъ и злоупотребленій, что не находилось другаго средства къ исправленію зла, какъ избрать въ тайши — христіанина Минѣева. Въ прошломъ году со стороны христіанскаго начальства сдѣлано истинное благодѣяніе для христіанъ кударинскаго вѣдомства (ближайшаго къ Посольскому монастырю): имъ самимъ предоставлено было выбрать изъ среды себя члена въ Степную Думу и ему потомъ предписано защищать христіанъ въ Думѣ отъ притѣсненій язычниковъ и устранять всякія препятствія къ осѣдлой жизни. Благодѣтельныя слѣдствія этой мѣры обнаружились вскорѣ: тѣ, которые прежде не крестились изъ боязни подвергнуться притѣсненіямъ, теперь охотно стали креститься, а крестившіеся прежде, положили начало осѣдлости. При благодѣтельныхъ преобразованіяхъ, совершающихся теперь по всѣмъ вѣдомствамъ обширной Россіи, смѣемъ надѣяться, что не оставлены будутъ безъ вниманія и наши братія о Христѣ, инородцы-христіане, доселѣ разсѣянные по степямъ Забайкалья среди языческаго общества, какъ овцы не имущіе своего пастыря. Загнанные въ своихъ языческихъ обществахъ, они не смѣли доселѣ заявлять жалобъ на свое стѣсненное положеніе, а дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Всѣ думали, что имъ хорошо жить въ своихъ обществахъ, а издали, пожалуй, многіе могли думать, что въ православномъ русскомъ государствѣ даже выгодно принимать христіанство.

17 Февраля 1864 г. Посольскій Монастырь на Байкалѣ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Что же, спросите наконецъ, дѣлала и дѣлаетъ христіанская миссія для просвѣщенія вѣрою забайкальскихъ язычниковъ? — Къ сожалѣнію должно сказать, что и съ этой стороны не видно такой усиленной дѣятельности, которая бы отвѣчала упорству язычества.

Первая Забайкальская миссія въ Селенгинскомъ монастырѣ кончилась, кажется, со смертію архимандрита Мисаила, скончавшагося въ 1742 году стодесятилѣтнимъ старцемъ, а въ Посольскомъ съ назначеніемъ настоятеля его архимандрита Илларіона Труса въ 1734 году настоятелемъ Пекинской миссіи съ оставленіемъ при немъ званія Посольскаго настоятеля. Управители монастыремъ за отсутствіемъ архимандрита намѣстники по видимому мало занимались миссіонерскимъ служеніемъ. Съ возстановленіемъ въ монастырѣ игуменства въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія снова открывается миссіонерская дѣятельность Посольскаго монастыря; но дѣятельность опять не соотвѣтствующая мѣстнымъ потребностямъ; Посольскій игуменъ Іоиль, какъ проповѣдникъ между язычниками христіанской вѣры, одинъ долженъ былъ ѣздить нетолько къ селенгинскимъ и хоринскимъ бурятамъ; но даже за камень (Яблоновый хребетъ) въ Даурію. Притомъ, чтобы имѣть право язычнику креститься, онъ долженъ былъ напередъ подать прошеніе о разрѣшеніи на Высочайшее имя въ казенную келлію (контора) Посольскаго монастыря и тогда уже готовиться къ крещенію. Между тѣмъ препятствія со стороны языческой власти тогда имѣли еще больше

силы, чѣмъ теперь, потому что былъ указъ, имѣвшій силу до начала настоящаго столѣтія, которымъ требовалось чтобы Буряты крестились не иначе, какъ съ позволенія своихъ начальниковъ — язычниковъ. Сверхъ того, напримѣръ, монастырская братія хочетъ подержать въ монастырѣ новокрещеннаго для надлежащаго обученія вѣрѣ, а тайша-язычникъ оффиціально требуетъ его *въ свою команду*. Вообще же изъ ежегодныхъ донесеній Посольскихъ игуменовъ о новокрещенныхъ не видно особенныхъ успѣховъ евангельской проповѣди, а въ настоящемъ столѣтіи прекращаются и самыя донесенія. Очевидно христіанство распространялось не столько оффиціальною миссіею, сколько невидимою силою Божіею. Гдѣ было больше церквей и вообще русскаго населенія, тамъ больше крестились.

Въ 1818 г. за Байкалъ прибыла англійская миссія, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, и основала здѣсь два стана,— одинъ на лѣвомъ берегу р. Селенги противъ г. Селенгинска, а другой въ двѣнадцати верстахъ отъ Хоринской Степной Думы на р. Кудунѣ. Отъ перваго стана доселѣ еще сохранилось довольно обширное заведеніе, вмѣщавшее въ себѣ, кромѣ помѣщеній для семейнаго миссіонера, училище, больницу и типографію; отъ послѣдняго не осталось ничего кромѣ слѣдовъ каменнаго фундамента и двухъ надгробныхъ памятниковъ съ латинскими и русскими надписями. Послѣдній англійскій миссіонеръ выѣхалъ изъ Россіи въ 1842 г. Не смотря на ученость членовъ англійской миссіи, на огромныя матеріальныя средства, которыми они располагали, и тѣ благодѣтельныя учрежденія, которыми они привлекали къ себѣ инородцевъ, плоды болѣе чѣмъ двадцатилѣтнихъ трудовъ ихъ были ничтожны. Оба стана въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ пріобрѣли для христіанства не болѣе трехъ человѣкъ! Причиною такого страннаго явленія было то, что

ученые миссіонеры, обучая язычниковъ истинамъ христіанства, не заботились о пріобрѣтеніи ихъ вѣрою для Христа. Въ своихъ училищахъ они обучали дѣтей священной Исторіи и Катихизису точно такъ же, какъ и теперь во всѣхъ бурятскихъ училищахъ учатъ этимъ предметамъ дѣтей-язычниковъ учители-язычники,—учатъ, какъ предметамъ, необходимымъ для образованія, а о томъ, что всякое противное ученіе есть ложь, заблужденіе, здѣсь не было и рѣчи. Отъ того и сами буряты смотрѣли на нихъ, не какъ на проповѣдниковъ вѣры, а какъ на простыхъ учителей и лекарей. Единственный памятникъ, оставленный англійскою миссіею последующей Забайкальской миссіи,—памятникъ достойный учености ея членовъ, — есть Библія на монгольскомъ языкѣ ихъ перевода. Но раздача ея бурятамъ самими миссіонерами, безъ всякаго отчета въ томъ, къ чему она послужитъ, возбуждала только ревность ламъ къ истребленію ея въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, кромѣ книгъ пророческихъ, довольно еще экземпляровъ сохранилось для настоящей Забайкальской миссіи, но новый завѣтъ совсѣмъ изчезъ и можетъ быть пріобрѣтаемъ только изъ заграницы, въ Лондонскомъ изданіи.

Православная миссія за Байкаломъ вновь открыта въ 1821 году при архіепископѣ иркутскомъ Михаилѣ II. Тогда предписано было священнику Кульской церкви Александру Бобровникову заниматься проповѣдію Евангелія между сосѣдними бурятами. Въ помощники ему вызвался новокрещенный изъ бурятъ Михаилъ Сперанскій (крестникъ сибирскаго ген. губернатора М. М. Сперанскаго). По неимѣнію матеріальныхъ средствъ къ обезпеченію миссіи священникъ Бобровниковъ оставленъ былъ въ тоже время при прежней должности приходскаго священника, а Сперанскій остался на своемъ содержаніи съ однимъ правомъ за проповѣдническіе труды

носить не въ примѣръ другимъ священническую рясу [1]). Въ 1834 г. съ тѣми же условіями опредѣленъ былъ миссіонеромъ Селенгинскій священникъ Владимиръ Межевъ и въ 1836 г. Укырскій священникъ Авраамій Виноградовъ. Въ 1840 г. первый былъ переведенъ изъ Селенгинска, а въ 1842 г. и второй изъ Укыра: съ тѣмъ вмѣстѣ кончилась и миссія въ этихъ мѣстахъ. Только священникъ Бобровниковъ, оставившій ученымъ памятникомъ своей миссіонерской службы первую Монгольскую Граматику на русскомъ языкѣ, оставилъ и преемниковъ по себѣ въ миссіонерской должности. Много ли сдѣлали для христіанства эти миссіонеры, занятые обязанностями по приходамъ, простирающимся на сотни верстъ, по неимѣнію документовъ сказать вамъ ничего не могу. Вообще по словамъ христіанъ-инородцевъ, съ которыми я имѣлъ бесѣду объ этомъ предметѣ, обращеніе бурятъ къ христіанству съ настоящаго столѣтія не усиливалось, а постепенно уменьшалось, потому что усиливались полчища ламъ, возрастая съ быстротою не сотнями, а тысячами, такъ что ни богатая англійская миссія, ни наша бѣдная не могли оказать никакого сильнаго противодѣйствія все болѣе и болѣе укрѣплявшемуся врагу.

Съ 1858 года началась новая переписка объ учрежденіи правильной миссіи за Байкаломъ и вообще по Иркутской Епархіи. Въ слѣдствіе того въ Сентябрѣ того же года священнику 3 конной бригады казачьяго войска въ Селенгинскѣ Іоанну Никольскому предписано было принять на себя должность миссіонера съ сохраненіемъ обязанностей бри-

---

[1]) Преосвященный Михаилъ и преемникъ его Преосвященный Ириней, настоятельно предлагали степенному старику Михаилу Сперанскому санъ священства, но онъ уклонялся отъ принятія, высказывая свои недостоинства. Ред.

гаднаго священника и законоучителя въ бригадной русско—монгольской школѣ. Въ 1861 году открыто за Байкаломъ викаріатство въ тою нарочитою цѣлію, чтобы содѣйствовать успѣшнѣйшему распространенію Христіанства между здѣшними язычниками. Въ томъ же году опредѣленъ первый миссіонеръ съ увольненіемъ отъ другихъ обязанностей въ Хоринское вѣдомство—Священникъ Михаилъ Телятьевъ, котораго въ слѣдующемъ 1862 году замѣнилъ на томъ же основаніи изъ воспитанниковъ, обучавшихся Монгольскому языку при С. Петербургской Семинаріи, Священникъ Григорій Поповъ. Въ томъ же 1862 г. свободные отъ другихъ обязанностей опредѣлены два миссіонера—въ вѣдомство Князя Гантимурова и Агинской Степной Думы Священники Алексѣй Мальковъ и Григорій Литвинцевъ. Въ Сентабря тогеже года открыта сверхъ штата, въ надеждѣ на благотворительность ревнителей Святой вѣры, миссія въ Посольскомъ монастырѣ для ближайшаго Кударинскаго вѣдомства, состоявшая сначала изъ одного Іеродіакона (нынѣ Іеромонаха) Мелетія, бывшаго воспитанника Казанской Духовной Академіи, къ которому вскорѣ присоединился въ качествѣ сотрудника Петръ Даниловъ (нынѣ іеромонахъ Платонъ), также послушникъ и переводчикъ; а къ концу 1863 года прибыли еще въ Посольскій монастырь назначенные въ Забайкальскую миссію, также сверхъ штата, изъ Оптиной пустыни рясофорный монахъ Андрей Петровъ (нынѣ Іеромонахъ Антоній) и изъ Свіяжскаго монастыря Іеромонахъ Веніаминъ. Наконецъ въ томъ же году открыто въ Посольскомъ монастырѣ частное училище для инородческихъ дѣтей, также съ цѣлію приготовленія на служеніе миссіи. Съ благотворительною цѣлію открыта здѣсь же лечебница, по гомеопатическому способу, и мастерская для печатанія иконъ, для новокрещенныхъ, по метахромотипическому способу.

Успѣхи новой миссіи сначала не могли не затрудняться новостію самаго дѣла, на которое она была призвана; но преимущественно успѣхъ и безуспѣшность зависѣли отъ положенія, въ какомъ находились сами инородцы къ своимъ свѣтскимъ властямъ и жреческому сословію.

Между ламайцами евангельская проповѣдь не имѣла почти никакого успѣха. Причина безуспѣшности отчасти заключалась въ самихъ миссіонерахъ, поставленныхъ въ мѣстахъ ламскаго суевѣрія: (теперь оба переведены на другія мѣста) одинъ былъ молодъ и неопытенъ, а другой былъ еще занятъ другими служебными обязанностями. Но главнымъ образомъ безуспѣшность зависѣла отъ отношенія самаго народа къ ламамъ. Потому между ламайцами крещено по всему Забайкалью не болѣе двухъ, трехъ десятковъ, — что, разумѣется, не имѣло никакого вліянія на прочую массу. Мое назначеніе и поѣздки среди нихъ пока возбуждаютъ одни толки о будущемъ, а не настоящемъ переходѣ въ русскую вѣру, ламъ же заставляютъ усерднѣе отчитывать Бурятъ отъ русской вѣры и на меня начитывать разныя бѣды. Въ послѣднемъ по временамъ помогаютъ имъ и приходящіе изъ Монголіи ламы, по мнѣнію Бурятъ, болѣе сильные во всякаго рода начитываніяхъ. Чтобы при содѣйствіи Благодати Божіей имѣть между ламайцами какой нибудь успѣхъ, для этого, кромѣ возвращенія ламъ въ положеніе, требуемое правилами ихъ секты, съ духовной стороны требуется болѣе усиленное дѣйствіе на нихъ не чрезъ отдѣльныхъ миссіонеровъ, по одному на нѣсколько десятковъ тысячъ язычниковъ, а цѣлыми братствами, по нѣскольку въ вѣдомствѣ. Если для христіанъ, съ дѣтства принявшихъ Святое Крещеніе, полагается, по меньшей мѣрѣ, на триста и даже на двѣсти пятьдесятъ душъ Священникъ съ причетникомъ, чтобы удовлетворять ихъ духовнымъ нуждамъ, и для содержанія

ихъ находятся хотя небольшія казенныя и общественн средства: то почему же для людей совсѣмъ незнающи святой вѣры, не назначить по крайней мѣрѣ для тысячи ду одного миссіонера и послушника съ содержаніемъ изъ то же казеннаго источника? Но еще благотворнѣе было б если бы православное русское общество, предоставя казн дѣла казенныя, дѣла любви христіанской, каково просвѣ щеніе вѣрою невѣдущихъ истиннаго Бога, приняло н себя, какъ принимаютъ на себя такія дѣла инославные хри стіане въ западныхъ государствахъ. Если у насъ досел господствуетъ язычество, то виновато въ томъ все общество, потому что всѣ попытки устроить правильную миссі всегда сокрушались и сокрушаются прежде всего отъ недо статка матеріальныхъ средствъ.

Самое удобное поприще для миссіонерской дѣятельност за Байкаломъ представляло, какъ я уже прежде замѣчалъ, вѣдомство князя Гантимурова, потому что здѣсь въ большей части населенія ни одна изъ показанныхъ прежде (*) противодѣйствующихъ причинъ не имѣла значенія; только между пограничными монголами этого вѣдомства давно укоренившееся ламство сохраняло всю свою враждебную силу. Самымъ же лучшимъ пособіемъ къ распространенію здѣсь христіанства служило то, что обращеніе къ христіанству для Тунгусовъ не было новостію: постоянное обращеніе съ русскими, между коими много ихъ единоплеменниковъ, и знаніе большинствомъ русскаго языка скорѣе всего сближали ихъ и съ русскою жизнію и съ русскою вѣрою. Потому когда въ 1862 году опредѣленные въ это вѣдомство миссіонеры Священники Малковъ и Литвинцевъ съ усердіемъ принялись за нихъ, то въ одно полугодіе

[1]) См. 5 письмо.

пріобрѣли для церкви первый двадцать душъ, а второй семьдесять пять. Особенное вліяніе христіанства на умы Тунгусовъ открылось въ томъ, что въ числѣ принявшихъ Святое крещеніе было два шамана, — люди, которымъ суевѣріе давало средства къ жизни, иногда весьма значительныя. Въ 1863 г. Малковымъ пріобрѣтено для Святой церкви двадцать шесть душъ, Литвинцевымъ пятьдесять шесть.

Труднѣе было начинать дѣло новой миссіи, основавшейся въ Посольскомъ Монастырѣ. Близъ находящееся вѣдомство Кударинскихъ Бурятъ представляло два благопріятныя для христіанской проповѣди условія, — во первыхъ знаніе большинствомъ русскаго языка и потомъ отсутствіе ламства. Неблагопріятно дѣйствовало, во первыхъ, то, что здѣсь давно уже не было ни какой миссіи и обыкновенныя обращенія въ слѣдствіе общенія съ русскими бывали рѣдки, во вторыхъ, начальство все было языческое, изувѣрно преданное шаманству, представителемъ и жрецомъ котораго былъ самъ главный тайша. Отъ того, не смотря на близость главнаго стана миссіи, первыя усилія миссіонеровъ склонить кого либо къ принятію христіанства, долго оставались безуспѣшны: многіе объявляли о своей готовности принять христіанство, но тогда только, когда будутъ креститься другіе, особенно начальствующіе; слышались и умныя разсужденія о несостоятельности шаманства, но всякой боялся первый пуститься въ незнакомый путь. Уже къ концу 1862 года начали по немногу принимать христіанство: всего въ 1862 году крещено Кударинскихъ бурятъ сорокъ пять душъ. Въ слѣдующемъ 1863 г. дѣйствія Евангельской проповѣди стали успѣшнѣе; но за то обнаружилось открытое противодѣйствіе со стороны язычниковъ и ихъ властей: христіанъ преслѣдовали, какъ только могли, и обыкновенными придирками и открытыми побоями. Одинъ бурятъ входилъ въ купель крещенія весь въ синихъ пятнахъ

отъ побоевъ, полученныхъ имъ отъ своихъ единоплеменниковъ — язычниковъ, за желаніе принять христіанство. У матери-христіанки по смерти мужа отобраны были малолѣтнія дѣти и отданы на воспитаніе дядѣ — язычнику. Впрочемъ явно обнаружившееся зло обратилось въ добро: открыто обнаружившееся противодѣйствіе заставило принять рѣшительныя мѣры, и Кударинскимъ христіанамъ дано было право самимъ изъ своей среды избрать засѣдателя въ Степную Думу для огражденія своей безопасности. Послѣ этого переходъ къ христіанству сдѣлался свободнѣе и всѣ прежде высказывавшіе желаніе принять Святую вѣру и только выжидавшіе благопріятнаго случая, теперь стали одинъ за другимъ принимать Св. крещеніе. Въ 1863 г. всего крещено въ Кударинскомъ вѣдомствѣ сто двадцать душъ обоего пола.

Благодать Божія кромѣ невидимаго дѣйствія своего въ сердцахъ обращаемыхъ, безъ чего не сильна никакая проповѣдь, иногда проявляла и видимо дѣйствіе свое, видимо споспѣшествуя евангельской проповѣди. Для славы Божіей разскажу вамъ нѣсколько случаевъ. Вотъ что писалъ мнѣ миссіонеръ свящ. Малковъ въ отчетѣ своемъ за 1862 годъ. «Когда объѣзжалъ я юрты кочующихъ тунгусовъ по нади Урулюнгую, (15 Іюля), некрещенный тунгусъ Дзангей Угаевъ разсказалъ мнѣ здѣсь слѣдующее: прошедшаго (1861) года тяжко заболѣлъ у меня оспою сынъ Шанджей. Я и жена думали, что онъ умретъ (а онъ у насъ одинъ только и есть сынъ, больше нѣтъ дѣтей); сидѣли подлѣ него да плакали. Въ умѣ или безъ ума былъ нашъ сынъ, не знаетъ (мы и сами были, какъ безумные); только вдругъ онъ запросилъ, чтобы на грудь ему положили русскаго Бога (крестъ). На мѣстѣ, гдѣ мы кочевали, — въ нади Яданги, было всего двѣ юрты; крещеныхъ тунгусовъ въ нихъ никого

не было. Жена стала торопливо посылать меня въ казачій караулъ Кайласутуй; на дорогѣ я встрѣтилъ казака Павла Козлова и разсказалъ ему свое горе. Онъ снялъ съ себя крестъ, подалъ мнѣ и сказалъ: пусть же я буду твоимъ кумомъ! Я живо вернулся домой, надѣлъ на сына крестъ,— и ему тутъ же стало легче, а скоро и совсѣмъ поправился. Такъ и думаю, прибавилъ Дзангей, Богъ спасъ его, а шибко, шибко парень немогъ. Выздоровѣвъ Шанджей, захотѣлъ креститься и мы ему того-жъ хотѣли, и вотъ недавно окрестили его. Теперь зовутъ его Николаемъ. Думаемъ и сами креститься, только пока отложили; а молимся русскому Богу. — Дзангей разсказывалъ все это съ полною вѣрою въ милость Божію, явленную въ исцѣленіи сына его силою креста Христова, и со слезами умиленія и благодарности на глазахъ». Священникъ села Елани Верхнеудинскаго округа Константинъ Затопляевъ сообщилъ мнѣ о чудесномъ исцѣленіи одного бурята, четыре года лежавшаго въ болѣзни, — объ исцѣленіи, совершившемся благодатію крещенія. До крещенія онъ до того былъ боленъ, что не могъ стоять на ногахъ и при помощи четырехъ человѣкъ погруженъ былъ въ купель. На другой день по крещеніи священникъ отправился къ нему въ улусъ и не засталъ его дома: онъ *верхомъ уѣхалъ* въ сосѣдній улусъ! Подобные случаи исцѣленія въ крещеніи и вообще силою единаго истиннаго христіанскаго Бога извѣстны и язычникамъ и они въ тяжкихъ болѣзняхъ иногда прибѣгаютъ къ крещенію, какъ послѣднему спасительному средству. Буряты-казаки, находясь на службѣ въ Иркутскѣ, часто умирали. Въ этой бѣдѣ они обращались и къ ламамъ и къ шаманамъ; ничто не помогало. Наконецъ, они рѣшились надѣвать на себя кресты и, какъ сами замѣчаютъ, перестали умирать. Теперь почти всякій казакъ бурятъ, отправляясь на службу

въ городъ, надѣваетъ на себя крестъ, въ надеждѣ на сохраненіе крестною силою. Иногда родители-язычники, сами оставаясь не крещенными, просятъ окрестить дѣтей, когда не стоятъ, т. е. умираютъ, дѣти, и опыты оправдываютъ такую вѣру. Всѣ шаманцы вѣрятъ также, что злой духъ не нападаетъ на крещенныхъ, а только на нихъ однихъ и потому-то они прибѣгаютъ къ шаманамъ (которые, по ихъ понятію, тоже что наши колдуны) и чрезъ нихъ умилостивляютъ его жертвами. — *Но никто же можетъ пріити ко Мнѣ*, говоритъ Господь, *аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44): — и тѣ самые, которые такъ разсуждаютъ и говорятъ, глухи остаются ко всѣмъ убѣжденіямъ Евангельской проповѣди, пока благодать Божія не коснется ихъ сердца!

Въ заключеніе этого письма считаю долгомъ предъ благотворителями Забайкальской миссіи дать отчетъ въ приходѣ и расходѣ суммъ, перешедшихъ чрезъ мои руки.

Въ приходѣ всего состояло денегъ 1130 р. 85 к. Въ числѣ ихъ вошло, кромѣ пожертвованій, о которыхъ мною было уже объявляемо въ Духовной Беесѣдѣ и въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, — 75 р. отпущенные изъ Верхнеудинскаго казначейства съ назначеніемъ на подарки новокрещеннымъ, — 131 р. 35½ к. изъ часовни, вновь устроенной въ пользу миссіи на Байкальской пристани въ Посольскѣ, 250 р. пожертвованные на Витимскихъ золотыхъ промыслахъ и нѣкоторыми благотворителями изъ г. Баргузина, на устройство миссіонерскаго стана на Баргузинской степи, и вновь полученные: изъ Новгорода отъ архимандрита Авраміа 25 р., съ Вознесенскаго золотаго промысла отъ священника Евгенія Пляскина 25 р., изъ СПБ, отъ поручика Тарасова 1 р., изъ Тулы отъ Ел. П. Иванкиной 1 р., изъ Сарапула отъ неизвѣстнаго отъ 22 іюля 50 р., изъ Томска

отъ И. П. Басина 5 р. и отъ неизвѣстнаго на поминовеніе Павла 5 р. [1])

Вещами пожертвовано: отъ архимандрита Даніила, бывшаго члена Пекинской миссіи, 464 тома книгъ на европейскихъ и преимущественно на азіатскихъ языкахъ; отъ бывшей редакціи Духовной Бесѣды — Духовная Бесѣда за 1858, 1859, 1860 и 1861 гг., отъ Правленія С. Петербургской Семинаріи 25 экземпляровъ книгъ, относящихся къ изученію монгольскаго языка и буддизма; отъ Кяхтинскихъ купцовъ Я. А. Нѣмчинова и М. Ѳ. Нѣмчинова два мѣста чернаго чаю, и отъ Верхнеудинскаго купца І. П. Флорова 214 арш. ситцу на бѣлье новокрещеннымъ. Наконецъ отъ Селенгинскаго купца Н. И. Мельникова поступила библіотека бывшая англійскихъ миссіонеровъ за Байкаломъ — на европейскихъ языкахъ на неопредѣленное время, а на монгольскомъ навсегда.

Изъ означенныхъ денегъ, за исключеніемъ 250 р. оставшихся неприкосновенными для будущаго Баргузинскаго миссіонерскаго стана, израсходовано на жалованье вновь поступившимъ миссіонерамъ не обезпеченнымъ отъ казны, миссіонерскимъ послушникамъ и переводчику 545 р. 50 к., на постройку бѣлья для новокрещенныхъ 340 р., на вспоможеніе бѣднымъ изъ новокрещенныхъ 120 р. 30 к. и на разные расходы во время разъѣздовъ миссіонеровъ по улусамъ 117 руб. 20 к. За тѣмъ употреблено на покупку для миссіи

[1]) Въ настоящемъ 1864 году поступили на приходъ пожертвованія: изъ Копала отъ Т. С. Данилевскаго 5 р., изъ Ливенъ отъ 31 октября 3 р., изъ Кяхты отъ учителя А. Б. 1 р., изъ Верхнеангарска отъ свящ. Д. Соболева 2 р., изъ Аксайской станицы отъ А. М. Багушовой 50 р., отъ Балаганскаго купца Е. М. Козлова 25 р., отъ Тюменскаго купца П. И. Мятягина 50 р. и отъ Троицкосавскаго свящ. К. Сотникова 3 руб.

гомеопатической аптеки съ гомеопатическою библі
100 р., на пріобрѣтеніе метахромотипическихъ отт
на бумагѣ изъ привиллегированнаго заведенія мета
типіи въ С. Петербургѣ 300 р., на краски и рисова
принадлежности 33 р.

Передержка частію покрыта мѣстно найденными
ствами, бывшими въ личномъ распоряженіи пишуща
строки, частію сдѣлана въ счетъ будущихъ благотвор
ныхъ приношеній, въ надеждѣ на Того, кто печет
птенцахъ врановыхъ призывающихъ Его. Частію по
частію отнесена на тотъ же счетъ и передержка, сдѣл
на содержаніе инородческихъ дѣтей, обучающихся в
сольскомъ монастырѣ, на учебныя книги и пособія дл
и вообще на покупку книгъ, необходимыхъ для изу
буддизма и монгольскаго языка. Содержаніе пищею ка
тей, готовящихся къ миссіонерскому служенію, такъ и
состоящихъ на миссіонерской службѣ, шло отъ Посол
монастыря.

Желающіе участвовать въ просвѣщеніи вѣрою Забай
кихъ инородцевъ доставленіемъ средствъ миссіи благов
адресовать свои приношенія *въ Посольскій монастырь
Байкалѣ на имя настоятеля Забайкальской мис
Веніамина Епископа Селенгинскаго.*

11 марта 1864 года Посольскій монастырь на Байкалѣ.